

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Юридический Институт
Кафедра уголовного процесса

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
А.Д. Назаров
«11» 06 2013 г.

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

030501.65 – юриспруденция

код и наименование специальности

тема:

**Понятие обвинения в Российской Федерации, Федеративной
Республике Германии и в позициях Европейского суда по
правам человека**

Научный руководитель

Л.В. Майорова
11.06.2013 доцент, к.ю.н. Л.В. Майорова
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник

А.В. Метёлкин
11.06.2013 А.В. Метёлкин
подпись, дата инициалы, фамилия

Красноярск 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1 Понятие «обвинение» в российском уголовном процессе и его соотношение со смежными понятиями	6
1.1 Подходы к понятию «обвинение»	6
1.2 Обвинение и уголовное преследование	12
1.3 Обвинение и подозрение и сопутствующие им участники уголовного процесса: обвиняемый и подозреваемый	15
2 Обвинение и смежные понятия в Федеративной Республике Германия	24
2.1 Подозрение как центральное понятие уголовного процесса Германии	24
2.2 Начальное подозрение и принцип легальности	30
2.3 Обвинение и подозрение. Предъявление обвинения по законодательству Германии.....	33
3 Автономная концепция «уголовного обвинения» в практике Европейского суда по правам человека	44
Заключение	58
Список использованных источников	61

ВВЕДЕНИЕ

Время, в котором мы живем, это время, лейтмотивом которого является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Особо острое внимание к проблеме гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина должно уделяться в отраслях права, связанных с принудительным вмешательством государства в данную сферу. Среди подобных отраслей центральное место, на наш взгляд, занимает уголовно-процессуальное право.

Центральным понятием уголовного процесса, охватывающим все его стороны, является понятие «обвинение». Данный институт присущ всем без исключения правовым системам современности. Именно данный институт лежит в основе применения мер принуждения, наличие обвинения в ряде случаев является необходимой предпосылкой для принудительного вмешательства в права и свободы отдельно взятого человека и гражданина.

Несмотря на универсальность института обвинения, в различных правовых порядках сформировались свои подходы к определению значения данного правового института. Кроме того, в нашем государстве до сих пор остается дискуссионным вопрос о сущности обвинения в российском уголовном процессе, о соотношении данного института с такими смежными понятиями как «уголовное преследование» и «подозрение». Уникальной и интересной для российского читателя будет глава 2 настоящей работы, посвящённая пониманию «обвинения» и его соотношения со смежными понятиями в Федеративной Республике Германия.

В части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации закреплён принцип приоритета норм международного права над внутренними источниками права в РФ. Российская Федерация, вступив в Совет Европы и ратифицировав Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, взяла на себя обязательства по исполнению норм данного правового акта. При раскрытии понятия уголовное обвинение нельзя не учитывать автономное значение, которое в данное понятие вкладывает Европейский суд

по правам человека. Данному вопросу посвящена отдельная глава настоящей работы.

Целью написания настоящей работы является определение сущности такой категории уголовного процесса как обвинение, изучение сложившихся подходов к определению данного понятия, изучение соотношения данного понятия со смежными понятиями в российской и немецкой доктрине, а также изучение практики Европейского суда по определению понятия «уголовное обвинение»

Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

- раскрыть понятие «обвинение» и существующие подходы к определению данного понятия в российской и немецкой доктрине и практике Европейского суда по правам человека;

- показать соотношения понятия обвинения со смежными понятиями в российской и немецкой доктрине и практике Европейского суда по правам человека.

При написании работы мы обращались к трудам следующих авторов: И.Я. Фойницкий, М.С. Строгович, Ф.Н. Фаткулин, З.З. Зинатулин, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский, А.С. Барабаш, М.П. Бобылев, В.А. Андриянов, Ф.М. Ягофаров, А.М. Баксалова, И.А. Пантелеев и других.

Также были использованы труды таких зарубежных ученых как Мартин Финке, Вернер Бойльке, Хольм Путцке, Клаус Фольк, Эрвин Лонер, Ганц Вальдер, Бернхард Крамер, Ханс Хайнер Кюне, Петер Рис, Ульрих Айзенберг.

Методами для достижения цели являются все методы присущие сравнительному правоведению: анализ, синтез, индукция, дедукция, метод правового моделирования, исторический метод и т.д.

Теоретические и практические положения по теме настоящей дипломной работы нашли отражения в опубликованных научных статьях сборников следующих научно-практических конференций: Международная научная студенческая конференция «Проблемы становления гражданского общества» (Иркутск, 22 марта 2013 года) – статья «Понятие «уголовное обвинение» в

концепции Европейского суда по правам человека» (научный руководитель – Л.В. Майорова); VII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Правовые аспекты развития гражданского общества России на современном этапе» (Красноярск, 18 апреля 2013 года) – статья «Понятие «обвинение» по уголовно-процессуальному законодательству России и Германии» (научный руководитель – Л.В. Майорова).

Работа состоит из трех глав, введения и заключения. При этом, первые две главы глава разделены на три параграфа каждая, третья глава не имеет деления на параграфы.

1 ПОНЯТИЕ «ОБВИНЕНИЕ» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ ПОНЯТИЯМИ

1.1 Подходы к понятию «обвинение»

По меткому выражению классика отечественного уголовного процесса Ф.Н. Фаткулина, «обвинение – одно из самых древних и наиболее значимых процессуальных явлений. Оно фактически способствовало возникновению самого уголовного судопроизводства, ибо последнее потребовалось для того, чтобы судить о вине определенного лица в запрещенном, преступном деянии»¹.

УПК РФ дает легальное определение понятия «обвинение» в пункте 22 статьи 5, в соответствии с которым под обвинением понимается утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом.

Несмотря на легальное определение обвинения, в науке до сих пор остается дискуссионным вопрос, что же следует в действительности понимать под обвинением, какова его природа. Одним из первых подходов к определению природы обвинения была концепция обвинения как особого публичного иска. И.Я. Фойницкий писал, что «понятию иска в гражданском процессе соответствует понятие обвинения в процессе уголовном. Под ним разумеется требование судебного признания принадлежащего государству права наказания в данном случае. Активному субъекту его усвоен термин обвинителя, а пассивному - обвиняемого или подсудимого»².

В советский период концепция обвинения как уголовного (публичного) иска подвергалась критики многими видными учеными. Однако делалось это, как нам кажется, по большей мере исходя из идеологических предпосылок, поскольку теория обвинения как уголовного (публичного) иска развивалась в юридической науке капиталистических стран. Так, профессор Ф.Н. Фаткулин писал, что «рассуждениями об уголовном иске, о процессуальном равенстве

---

¹Фаткулин Ф.Н. Обвинение и защита по уголовным делам: учеб. пособие / Ф.Н. Фаткулин, З.З. Зинатуллин, Я.С. Аврах – Казань: Издательство Казанского университета, 1976. С. 6.

²Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. - Печатается по третьему изданию, Спб.,1910. Т. 2. - Санкт-Петербург: Альфа, 1996. С. 3.

«сторон» и о недопустимости вмешательства суда в ход их борьбы прикрываются волчьими правилами, которые узаконивают всемогущество капитала и ставят в фактически незащищенное положение негодных ему людей в современном буржуазном обществе. Совершенно ясно, что для советской юриспруденции подобные фальшивые конструкции никак не приемлемы. Советское общенародное государство выражает волю и чаяния всех советских граждан, теми или иными правовыми рычагами и средствами обеспечения интересов трудового народа, выполнение задач коммунистического строительства».³

Как известно, после распада Советского Союза в принятой Конституции РФ 1993 года в части 1 статьи 13 был закреплен принцип идеологического многообразия. Кроме того, в части 3 статьи 123 Конституции РФ было закреплено, что судопроизводство, а уголовное судопроизводство, как следует из положений пункта 56 статьи 5 УПК РФ, включает досудебное и судебное производство по уголовному делу, осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Положение о состязательности сторон было включено в УПК РФ 2001 года в качестве отдельного принципа. Статью 15 УПК РФ, которая как раз носит название «Состязательность сторон», законодатель поместил в главу 2 – «Принципы уголовного судопроизводства».

Хотя состязательная модель российского уголовного процесса подвергается критике рядом современных процессуалистов,⁴ законодательное закрепление состязательности сторон в качестве принципа подрывает аргументацию критики понимания обвинения как публичного иска.

Из вышесказанного можно прийти к выводу, что с изменением идеологических основ и законодательном закреплении принципов, которые, по мнению советских процессуалистов, были базисом для понимания обвинения как особого публичного иска, должны были появиться новые подходы и ученые, поддерживающие понимание обвинения именно как особую

---

³Фаткулин Ф.Н. Указ. раб. С.18-19.

⁴См. Барабаш А.С. Публичное начало Российского уголовного процесса / А.С. Барабаш ; кол. авт. Ассоциация "Юридический центр" . - Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2009 . - 418 с.

разновидность иска. Однако по-прежнему данный подход к пониманию обвинения встречает критику в научной литературе. Правда, в обоснование положены уже научные, объективные по своей природе критерии.

Так, М.П. Бобылев писал о том, что «сторонники приравнивания обвинения и иска в обоснование своей теории приводили доводы, которые не являются бесспорными. Во-первых, схожесть они усматривали в обращении с требованием о рассмотрении иска или обвинения в суд. Если это положение можно отнести к иску, то оно не подойдет для обвинения, так как последнее формируется, изменяется, прекращается в стадии предварительного расследования и может сыграть свою роль без рассмотрения дела в суде. Во-вторых, утверждалось, что обвинение – право, а не обязанность субъекта. Этот признак характерен лишь для узкой категории дел, так называемого «частного обвинения», а не обвинения вообще, которое создается не столько в силу права частных лиц, сколько в обязанности должностных лиц. В-третьих, указание в иске и обвинении на определенное, а не на предположительное лицо – обвиняемого или ответчика. Этот признак является общим. Однако, он один в отрыве от основания, предмета иска или обвинения не играет существенной роли для объединения иска и обвинения»⁵.

С точкой зрения М.П. Бобылева трудно не согласиться. Кроме того, на наш взгляд, позиция советских ученых относительно понимания процессуальным законодательством европейских стран обвинения как особого публичного иска могла быть основана на особенностях перевода соответствующих правовых термин без вникания в суть данных терминов. Например, в качестве публичного обвинения УПК Германии употребляет термин «*öffentliche Klage*». Необходимо заметить, что «*Klage*» переводится на русский язык так же, как иск в гражданском процессе Германии. Иск обозначается именно термином «*Klage*». Таким образом, «*öffentliche Klage*» может быть переведено на русский язык так же как «публичный иск». О том,

---

⁵ Бобылев М.П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.П. Бобылев. – Уфа, 2004. С. 23.

почему обвинение в Германии не может пониматься как иск, будет описано в соответствующем разделе дипломной работы.

Традиционно в отечественной науке уголовного процесса сложились два подхода к пониманию обвинения: понимание обвинения в материально-правовом смысле и понимание обвинения в процессуальном смысле. Указанные подходы к пониманию обвинения были основательно и подробно описаны Ф.Н. Фаткулиным и З.З. Зинатулиным еще в 1976 году в работе «Обвинение и защита по уголовным делам».⁶

Обвинение в материальном смысле связано с так называемым обвинительным тезисом. Ф.Н. Фаткулин указывал, что «под обвинением в материально-правовом смысле следует понимать «следует понимать совокупность установленных по делу и вменяемых обвиняемому в вину общественно-опасных и противоправных фактов (их признаков), составляющих существо того конкретного состава преступления, за которое это лицо несет уголовную ответственность и, по мнению органов обвинения, должно быть осуждено».⁷

Под обвинением в процессуальном смысле Ф.Н. Фаткулин понимал основанную на законе процессуальную деятельность компетентных органов и лиц по изобличению обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении и по обоснованию его уголовной ответственности с тем, чтобы добиться публичного его осуждения.⁸

Двойное понимание обвинения в материально-правовом и процессуальном смысле поддерживается не всеми учеными. П.М. Давыдов придерживался точки зрения, что «название того или иного понятия материальным или процессуальным обосновано на том, предусмотрено ли оно данной отраслью права, выражает ли оно существо уголовного права или уголовного процесса»⁹. Таким образом, по мнению П.М. Давыдова, обвинение

---

⁶ См. Фаткулин Ф.Н. Указ. раб.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Там же. С. 23.

⁹ Цит. по: Маслова Д.А. Возбуждение и поддержание государственного обвинения в российском уголовном процессе [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д.А. Маслова. – Воронеж, 2008. С. 23.

является понятием исключительно процессуальным институтом, должно пониматься только в процессуальном смысле, поскольку указанный институт урегулирован именно отраслью уголовного процесса, а не уголовного права.

Конечно, точка зрения П.М. Давыдова не без основания критикуется многими процессуалистами, нельзя механически разделять материальное и процессуальное право, уголовное право и уголовный процесс тесно связаны и переплетены друг с другом. И в связи с этим весьма убедительной представляется точка зрения А.А. Новиковой, что «если согласиться с утверждением о том, что обвинение не следует рассматривать в материально-правовом смысле, то это будет означать, что уголовно-процессуальная деятельность вообще не имеет никакой связи с материальным уголовным законом и не может рассматриваться как способ (форма) применения уголовного закона»¹⁰.

М.П. Бобылев же напротив говорит о том, что понятию обвинение свойственно только такое содержание как утверждение, тезис, предмет, содержание обвинительной деятельности, сформулированные положения, в которых описывается сущность деяния, вменяемого в вину конкретному лицу. Из сказанного следует вывод, что М.П. Бобылев понимал обвинение именно в материально-правовом смысле. При этом интересен подход данного автора на деление обвинения на «обвинение-тезис» и «обвинение-утверждение». В основе данного деления положены законы формальной логики, поскольку термин «тезис» рассматривается именно в науке о логике. «Тезисом называют суждение, истинность которого надо доказать. Применительно к обвинению тезис логическая категория представляет собой ступень, предшествующую утверждению. Если «обвинение-тезис» - это суждение выдвигающего данный тезис лица, существующее без доказательств, то «обвинение-утверждение»

---

¹⁰ Новикова А.А. Соотношение обвинения и защиты в судебном разбирательстве (проблемы теории и практики на современном этапе) [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Новикова. – Москва, 2002. С. 27.

представляет собой тезис, подкрепленный совокупностью доказательств, собранных по делу».¹¹

Относительно того, в каком смысле законодатель понимает «обвинение» в пункте 22 статьи 5 УПК РФ, на наш взгляд, следует согласиться с позицией В.Ш. Харчиковой, в том, что в легальном понятии «обвинение» присутствует как материально-правовой, так и процессуальный аспект¹². Если посмотреть на легальное понятие обвинения, то можно заметить, что законодатель определяет данное понятие через родовое понятие «утверждение». Понятие «утверждение» употребляется законодателем именно исходя из материально-правового подхода. В то же время, законодатель конкретизирует понятие обвинения путем сужения родового понятие «утверждение», то есть отделяет от иных форм «утверждения», через указание того, что оно должно быть выдвинуто в порядке, установленном УПК РФ. Таким образом, автор сужает значение родового понятия «утверждение» через процессуальный подход к пониманию обвинения. Это говорит о смешанном материально-процессуальном определении обвинения, содержащимся в статье 5 УПК РФ.

Однако поскольку за основу легального определения понятия «обвинение» взят термин «утверждение», а не «деятели», а точнее не «порядок, установленный УПК РФ», необходимо сделать важное уточнение, что, как нам кажется, в основу легального определения понятия обвинения положен именно материально-правовой подход. Указанный вывод подтверждается так же тем, что наряду с понятием обвинения законодатель употребляет так же термин «уголовное преследование», который по смыслу близок к пониманию обвинения в процессуальном смысле. Соотношение понятий «обвинение» и «уголовное преследование» будет показано в следующем параграфе дипломной работы.

---

¹¹ Бобылев М.П. Указ. раб. С. 29-30.

¹² См. Харчикова В.Ш. Формирование обвинения в уголовном процессе России. [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Ш. Харчикова. – Кемерово, 2004. С. 38-39.

1.2 Обвинение и уголовное преследование

Смежным с «обвинением» является понятие «уголовное преследование». Законодатель в статье 5 так же сформулировал легальное определение понятия «уголовное преследование» в пункте 55. Так, уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Значение понятия «уголовное преследование» и его соотношение с понятием «обвинение» остается дискуссионным в отечественной науке уголовного процесса. В литературе фактически сложилось две точки зрения: первая – это что понятия «уголовное преследование» и «обвинение» являются синонимами; вторая – что все таки стоит различать «уголовное преследование» и «обвинение». При этом, ряд авторов различает эти явления по началу их появления в каждом процессе, другие пытаются соотнести данные понятия по объему.

Относительно того, что уголовное преследование и обвинение являются синонимами, писал еще М.С. Строгович. По его мнению, «обвинение как уголовно-процессуальная функция, т.е. обвинительная деятельность, совокупность действий, направленных на то, чтобы изобличать совершившее преступление лицо и обеспечить применение к нему заслуженного наказания, носит также наименование уголовное преследование».¹³

А.М. Баксалова говорит о равнозначности терминов уголовное преследование и обвинение в процессуальном смысле. При этом указывает, что «преследование не имеет самостоятельного по сравнению с обвинением содержания» и рассматривает в своей работе данные понятия как синонимы. Данный автор придерживается той точки зрения, что в пункте 22 статьи 5 УПК РФ закреплено обвинение в материальном смысле. По мнению Баксаловой А.М., «законодатель стремился избежать применения понятия «обвинение в процессуальном смысле», заменив его «уголовным преследованием», с тем, чтобы не возникало противоречий с пунктом 22 статьи 5 УПК РФ. Именно этим

---

¹³ Строгович М.С. Курс Советского уголовного процесса. М: Изд-во «Наука», 1968. Т. 1. С. 190.

обусловлено введение понятия «уголовное преследование», которое не использовалось в УПК РСФСР».¹⁴

Говоря о синонимичности понятий «обвинение» и «уголовное преследование», некоторые авторы в подтверждение своих выводов приводят положение пункта 45 статьи 5 УПК РФ¹⁵. Указанная норма дает легальное определение понятию стороны. Так законодатель говорит о том, что стороны - участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности **функцию обвинения (уголовного преследования)** или защиты от обвинения. Таким образом, законодатель, отождествляя понятия «функция обвинения» и «функция уголовного преследования», фактически отождествил сами понятия «обвинения» и «уголовное преследование».

Безусловно, одним из незыблемых правил юридической техники является положение о том, что «нельзя придавать без достаточного основания разным терминам одно и то же значение».¹⁶ Исходя из данного положения, на наш взгляд, нельзя согласиться с точкой зрения тех авторов, которые отождествляют понятия «уголовное преследование» и «обвинение».

На сегодняшний день, как указано выше, среди сторонников того, что понятия «обвинение» и «уголовное преследование» имеют различное значение, сложились две противоположенных точки зрения. Ряд авторов говорит о том, что понятие «уголовное преследование» шире понятия «обвинение». Х.М. Лукожев связывает это с тем, что в понятие «уголовное преследование» помимо обвинения входит еще понятие «подозрение». Подробнее точка зрения указанного автора будет описана в следующем параграфе настоящей главы дипломной работы.

М.Т. Аширбекова пишет: « ... понятие «обвинение» - родовое понятие, которое шире понятия «уголовное преследование», являющегося одним из

---

¹⁴Баксалова А.М. Уголовно-процессуальная функция обвинения, осуществляемая прокурором, и ее реализация на судебном следствии. [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.М. Баксалова. – Томск, 2002. С. 28.

¹⁵См. например, Турилов Г.Г. Прокурор как субъект доказывания в российском уголовном процессе. [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Г.Г. Турилов. – Краснодар, 2002. – 204 с.

¹⁶Кашанина Т.В. Юридическая техника: учеб. М.: изд-во НОРМА, 2011. С. 380.

видов обвинения».¹⁷ Сравнивая соотношение данных понятий, она делает следующие выводы: обвинение – это процессуальная деятельность по утверждению виновности лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом, которая имеет три формы: «а) уголовное преследование, осуществляемое только государственными органами и должностными лицами; б) сообвинения как форма участия потерпевшего в уголовном преследовании, субъектом которого он не является; в) частного обвинения, которое не охватывается понятием уголовное преследование».¹⁸

О различии по времени появления в процессе указанных категорий писал в своей диссертации Ф.М. Ягофаров. По его мнению, «уголовное преследование осуществляется с момента возбуждения уголовного дела до момента предъявления обвинения. Как только появляется лицо, обвиняемое в совершении преступления, уголовное преследование переходит в обвинение. Обосновывается, по его мнению, это тем, что уголовное преследование направлено на отыскание лица, совершившего преступление, а обвинение – на его изобличение в этом».¹⁹ Схожей точки зрения придерживается В.А. Андриянов. По его мнению, «уголовное преследование осуществляется стороной обвинения не в отношении подозреваемого, а в целях изобличения его в совершении преступления. Поэтому до момента появления обвиняемого можно говорить только о наличии уголовного преследования, но не обвинения. Таким образом, обвинение – конкретная цель уголовного преследования, иначе, обвинение представляет собой конкретные, законные и обоснованные рамки уголовного преследования».²⁰

Особого внимания о соотношении обвинения и уголовного преследования заслуживает точка зрения проф. А.С. Барабаша. В одной из своих работ автор замечает, что «обвинение не часть деятельности по уголовному преследованию,

---

¹⁷Цит. по Маслова Д.А. Указ. раб. С. 30.

¹⁸Там же.

¹⁹Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф.М. Ягофаров. – Оренбург, 2003. С. 38.

²⁰Андриянов В.А. Обвинение в российском уголовном процессе: понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.А. Андриянов. – Екатеринбург, 2009. С. 20-21.

а то к чему стремится уголовно-процессуальная деятельность на определенном этапе, что является результатом ее»²¹. При этом, говоря об уголовном преследовании, автор замечает, что «нельзя преследовать преступление, которое было в прошлом, было оно или нет, устанавливается в ходе расследования, в ходе его же устанавливается виновность лица его совершившего... преследовать можно будучи уверенным, в том, что преследуется именно тот, кто совершил преступление. Но откуда берется такая уверенность, лежащая в основе «предвосхищения», что лицо в любом случае виновно? Ответ один – установка на преследование. Она формируется определенной частью норм УПК»²². Установка на преследование, на наш взгляд, появляется у следователя в момент предъявления обвинения и привлечения лица в качестве обвиняемого, а именно, если следовать тексту закона, «при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления»²³.

1.3 Обвинение и подозрение. Сопутствующие данным институтам участники уголовного процесса: обвиняемый и подозреваемый

Безусловно, смежным с понятием «обвинение» является понятие «подозрение». Несмотря на всю важность данного понятия, в научной литературе, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания определению понятия подозрения, соотношению «обвинения» и «подозрения».

Соотношение подозрения с обвинением в отечественной науке уголовного процесса показывается через соотношение таких участников уголовного судопроизводства как подозреваемый и обвиняемый. Более того, правила словообразования говорят нам о том, что подозреваемым является лицо, в отношении которого имеется подозрение, а обвиняемым является лицо

---

²¹ Барабаш А.С. Соотношение обвинения и уголовного преследования // Актуальные проблемы юридической науки: тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. / Краснояр. гос. ун-т Юрид. ин-т; отв. ред. А.Н. Тарбогаев. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005. С. 756 -762.

²² Там же.

²³ Там же.

– в отношении которого имеется обвинение. Однако, указанная трактовка, на наш взгляд, поверхностна и требует более подробного описания.

УПК РФ, дав легальное определение понятию обвинение, не говорит нам о том, что же следует понимать под подозрением. Если обратиться к толковому словарю Ожегова, то можно заметить, что подозрение понимается как «предположение, основанное на сомнении в правильности, чьих-нибудь поступков, в правдивости чьих-нибудь слов».²⁴ Толково-словообразовательный словарь русского языка говорит о том, что подозрение есть «предположение о виновности кого-либо, о предосудительности чьих-либо поступков, о нечестности чьих-либо намерений».²⁵ Как видим, словари русского языка связывают подозрение с предположением. Подозревать – это значит предполагать что-либо.

Как указано выше, законодатель не дает легального определения понятия «подозрение». Свое понимание указанной категории, как нам кажется, законодатель показывает через достаточно подробное описание правового статуса такого участника уголовного процесса как подозреваемый. В связи с этим, определение понятия «подозрение» и его соотношение с понятием обвинение невозможно без описания соотношения таких категорий как обвиняемый и подозреваемый.

Содержание УПК РФ показывает, что подозреваемый и обвиняемый являются участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты. Описанию правового положения указанных участников посвящены отдельные статьи УПК РФ: статья 46 и 47 соответственно. Анализ этих статей показывает, что в основе появления участников с таким статусом лежит формальный подход.²⁶ Для появления подозреваемого или обвиняемого необходимо вынесение определенных формальных актов. Так, исходя из содержания части

---

²⁴ Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 539

²⁵ Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. С. 161.

²⁶ Противоположенным формальному подходу появления указанных участников уголовного процесса является содержательный подход. Например, в основе появления такого участника уголовного процесса как обвиняемый в Германии лежит содержательный подход. Подробнее об этом смотрите следующую главу настоящей дипломной работы.

1 статьи 46 УПК РФ, появление фигуры подозреваемого связано со следующими формальными актами: постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, протокол задержания в порядке статей 91 и 92 УПК РФ, постановление об избрании меры пресечения, уведомление о подозрении. Часть 1 статьи 47 УПК РФ говорит о том, что для появления фигуры обвиняемого необходимо вынесение одного из следующих актов: постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительного акт либо обвинительного постановления.

Из анализа положений УПК РФ несложно заметить, что фигура обвиняемого сменяет фигуру подозреваемого в ходе достижения определенного момента в рамках расследования конкретного уголовного дела, а именно, как следует из положений часть 1 статьи 171 УПК РФ, при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления. Таким образом, можно прийти к выводу, что подозрение и обвинение являются своеобразными этапами уголовного процесса. Фактически об этом говорит и проф. А.В. Смирнов, указывая, что подозрение связано лишь с предположением о виновности лица в совершении преступления, а обвинение основано на достаточных доказательствах виновности.²⁷

О том, что обвинение и подозрения являются этапами процессуальной деятельности, в своей диссертации говорит Д.А. Маслова. По ее мнению, «обвинение является конечным результатом процессуальной деятельности стороны обвинения, которая проходит в своем развитии несколько этапов: опосредованного уголовного преследования, осуществляемого в отношении неизвестного лица, подозрения и собственно обвинения...».²⁸

Говоря о подозрении как этапе процессуальной деятельности, в отечественной науке так же отмечается, что «подозрение в процессе раскрытия преступления, в процессе доказывания в стадии предварительного

---

²⁷ Уголовный процесс: Учебник / Под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С. 133.

²⁸ Маслова Д.А. Указ. раб. С. 38.

расследования является закономерным этапом познания истины по делу, ступенью к появлению обвиняемого».²⁹

И.А. Пантелеев в своей диссертации пишет о том, что «подозрение является этапом ведущего института уголовного процесса – привлечения лица к уголовной ответственности, занимая место его предварительного этапа и исполняя роль обоснованного предположения органа уголовного преследования о совершении лицом расследуемого преступления»³⁰. Кроме того, данным автором предлагается внести в УПК следующее легальное определение подозрения: «подозрение – это выраженное в специальном процессуальном решении утверждение органа уголовного преследования о причастности лица к совершению преступления, при отсутствии достаточных доказательств для предъявления ему обвинения».³¹

Некоторые авторы, исследуя природу таких институтов уголовного процесса как «обвинение» и «подозрение», пытались их соотнести с понятием «уголовное преследование». Как было указано ранее, Х.М. Лукожев пишет, что «в досудебном производстве уголовное преследование проявляется в двух формах: подозрение и обвинение. То есть, в условиях недостаточного, неполного знания об обстоятельствах преступления уголовное преследование может сначала осуществляться в форме подозрения, при приращении же этого знания, что находит свое отражение в собранных по делу доказательствах, уголовное преследование качественно изменяется – переходит в форму обвинения лица в совершении преступления».³² М.Б. Улищенко конкретизирует, что подозрение и обвинение входит «в качестве видовых понятий в персонафицированное уголовное преследование».³³

---

²⁹ Бекешко С.П., Матвиенко Е.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе / Е.П. Бекешко, Е.А. Матвиенко. - Минск: Изд-во Высшейшая школа, 1969. С. 22.

³⁰ Пантелеев И.А. Проблема совершенствования института подозрения в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 7.

³¹ Там же. С. 8.

³² Лукожев Х.М. Проблема поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции. [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Х.М. Лукожев. – Краснодар, 2006. С. 154.

³³ Улищенко М.Б. Функция обвинения в суде. [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.Б. Улищенко. – Москва, 1997. С.8.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что понятия «подозрение» и «обвинение» во многом схожие понятия. Об этом в частности писал И.А. Пантелеев, указывая, что «подозрение и обвинение как составные части привлечения к уголовной ответственности обладают рядом общих свойств, объединяющих их в единое целое. Это, во-первых, выдвижение против лица органом уголовного преследования тезиса о причастности к преступлению в виде формулы подозрения или обвинения; во-вторых, приобретение привлеченным к уголовной ответственности лицом специального правового статуса - подозреваемого или обвиняемого с во многом схожими правами и обязанностями; в-третьих, обращение против подозреваемого и обвиняемого большей частью одинаковых и специфических мер уголовно-процессуального принуждения; в-четвертых, приобретение подозреваемым, также как и обвиняемым, права на защиту, которое дано законом только лицу, против которого обращено уголовное преследование».³⁴ Однако автор справедливо замечает, что подозрение должно обладать более «мягким» набором принудительных мер.³⁵

Говоря о подозрении, следует так же отметить, что подозрение связано с тезисом. Это, на наш взгляд, следует из права подозреваемого знать, в чем он подозревается, закрепленного в пункте 1 части 4 статьи 46 УПК РФ. Однако, для правильного понимания необходимо все таки определить, в чем состоит различие тезиса подозрения от тезиса обвинения, и в конечном счете, где лежит «водораздел» между «подозрением» и «обвинением».

Ю.В. Церковный в своей диссертации пишет о том, что «отличительное особенностью подозрения является наличие возможности факта неподтверждения в последующем предполагаемой причастности подозреваемого, что в полной мере исключается на этапе познания в форме обвиняемого».³⁶

---

³⁴Пантелеев И.А. Указ. раб. С. 14.

³⁵ Там же.

³⁶Церковный Ю.В. Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания. [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.В. Церковный. – Москва, 2011. С. 19.

С указанным выше тезисом, на наш взгляд, можно согласиться с трудом по следующим основаниям. Во-первых, подобное толкование идет в разрез с конституционным по своей природе принципом презумпции невиновности. Указанный принцип должен приниматься во внимание всеми участниками уголовного судопроизводства, в том числе и участниками со стороны обвинения. Кроме того, не следует забывать положения части 2 статьи 6 УПК РФ, в соответствии с которой уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Тем самым, из назначения уголовного судопроизводства и принципа презумпции невиновности следует вывод, что на этапе познания в форме обвинения никоим образом не исключается вероятность опровержения причастности обвиняемого к совершению преступления. Иной толкование, на наш взгляд, ведет к обвинительному уклону у лица, осуществляющего уголовное преследование.

Указанную выше точку зрения также непосредственно опровергают положения УПК РФ, которые допускают возможность частичного или полного прекращения уголовного преследования в отношении обвиняемого.

Говоря о соотношении подозрения и обвинения, важным является тот факт, что российскому уголовному процессу присущ принцип объективной истины, прямо не названный в УПК РФ. Проф. А.В. Смирнов замечает, что «поскольку российский уголовный процесс имеет ярко выраженный публичный характер, он объективно не может устраниваться от цели установления по делу истины, причем в первую очередь истины объективной, или, как ее еще называют, - материальной, а не формальной».³⁷ Когда мы говорим об истине, мы имеем в виду знание. Поэтому истинное знание может быть только выражено в вступившем в законную силу приговоре суда, истина по делу может устанавливаться только судом как органом, разрешающим уголовное

---

³⁷ Уголовный процесс: Учебник / Под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С. 64.

дело. Выраженные в процессуальных актах тезис подозрения либо тезис обвинения являются лишь предположением той или иной степени достоверности, они могут быть как подтверждены, так и опровергнуты при разрешении уголовного дела судом.

Вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что обвинение в материально-правовом смысле отличается от подозрения только степенью вероятности и обоснованности обвинительного тезиса. Однако указанная грань условна.

Необходимо так же указать, что Конституция РФ в части 4 статьи 15 закрепила приоритет принципов и норм международного права и международных договоров. В связи с этим, Конституционный суд РФ в пункте 3 Постановления от 27.06.2000 N 11-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова указал, что «под обвинением в смысле статьи 6 Конвенции Европейский суд по правам человека понимает не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого (решение от 27 февраля 1980 года по делу *Deweer, Series A, no. 35, para 44, 46*; решение от 15 июля 1982 года по делу *Eckle, Series A, no. 51, para 73*; решение от 10 декабря 1982 года по делу *Foti, Series A, no. 56, para 52*), т.е. считает необходимым исходить из содержательного, а не формального понимания обвинения»³⁸. Подробнее подходам Европейского суда к определению уголовного обвинения будет посвящена 3 глава настоящей дипломной работы. Однако необходимо отметить, что позиция Европейского суда и Конституционного суда относительного содержательного понимания обвинения позволило ряду авторов выделить узкое понимание обвиняемого, то есть обвиняемого в

---

³⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N 11-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова" // СПС Консультант Плюс.

технико-юридическом смысле. В указанном смысле понимается обвиняемый, как он определяется в статье 47 УПК РФ. И обвиняемого в широком смысле, которые охватывает как обвиняемого в узком смысле, так и фигуру подозреваемого в соответствии со статьей 46 УПК РФ.³⁹

Из сказанного можно сделать вывод, что подозрение, как и обвинение, является тезисом о возможном совершении определенным лицом уголовно наказуемого деяния. Как тезис обвинения, так и тезис подозрения, основан на определенной степени вероятности. Только для обвинения данная степень вероятности должна быть выше, чем для подозрения, поскольку в соответствии с частью 1 статьи 171 УПК РФ для обвинения необходимо наличие достаточных доказательств.

Кроме того, фигура подозреваемого не может существовать в процессе бесконечно долго. Поскольку в большинстве случаев наличие статуса подозреваемого необходимо для применения к лицу мер пресечения, статья 100 УПК РФ формально ограничивает время существования подозреваемого в процессе и определяет период, в течение которого подозрение должно трансформироваться в обвинение путем вынесения следователем либо дознавателем определенных формальных актов. Указанный период ограничен 10 либо 30 сутками соответственно. Вывод же о достаточности либо недостаточности доказательств для предъявления в российском уголовном процессе обвинения целиком и полностью остается на усмотрение органа, осуществляющего уголовное преследование.

---

³⁹ См. например, Уголовный процесс: Учебник / Под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С. 134.

2 ОБВИНЕНИЕ И СМЕЖНЫЕ ПОНЯТИЯ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

2.1 Подозрение как центральное понятие уголовного процесса Германии

Если в доктрине российского уголовного процесса центральным понятием является обвинение, то по выражению проф. Клауса Фолька (Klaus Volk), в Германии «подозрение является центральным понятием уголовного процесса»⁴⁰. Любой учебник по уголовному процессу Германии так или иначе раскрывает понятие подозрение.

Иначе дело обстоит с понятием «обвинение». Раскрытие указанного понятия в Германии можно встретить только в отдельных научных источниках, в большинстве учебников авторы ограничиваются лишь раскрытием проблемы появления в процессе такого участника как обвиняемый и описанием его правового статуса.

Несомненна взаимосвязь таких правовых категорий как «подозрение», «обвинение» и «обвиняемый». Именно с подозрением в совершении преступления в Германии связано начало производства предварительного расследования. В соответствии с § 160 I УПК Германии, как только прокуратуре из заявлений или другим путем стало известно о подозрении в совершении уголовно-наказуемого деяния, она обязана исследовать обстоятельства дела для решения вопроса о возбуждении публичного обвинения⁴¹. Как было указано ранее, в немецком Уголовно-процессуальном кодексе говорится не о возбуждении уголовного дела, а о возбуждении именно публичного обвинения. Сама процедура начала производства предварительного расследования в Германии не формализована, то есть, не связана с какими-либо формальными правовыми актами.

---

⁴⁰ Volk, Klaus. Grundkurs StPO. 7. Auflage. C.H. Beck, München 2010. S. 31.

Легального определения «подозрения», как и «обвинения», УПК Германии не содержит. В доктринальных источниках предпринимались различные попытки сформулировать понятие подозрение. Как нам кажется, наиболее удачно рассматриваемое понятие сформулировано проф. Ганцем Вальдером (Hans Walder), который под подозрением понимал «вероятность, что какое-либо событие могло быть уголовно-наказуемым деянием, и вероятность того, что определенное лицо могло совершить уголовно наказуемое деяние»⁴². Так или иначе, общепризнанной точкой зрения в Германии является связывание подозрения именно с понятием **вероятность** (Wahrscheinlichkeit).

УПК Германии и правовая доктрина различает следующие виды подозрений: начальное подозрение (Anfangsverdacht), достаточное подозрение (dringender Verdacht) и сильное подозрение (hinreichender Verdacht).

В основе начального подозрения лежит принцип легальности, закрепленный в § 152 II УПК Германии, в соответствии с которым прокуратура обязана, поскольку иное не предусмотрено законом, принимать меры в отношении всех уголовно наказуемых деяний, если имеются **достаточные фактические данные (основания)**. Именно с наличием достаточных фактических оснований, т.е. начального подозрения, УПК Германии связывает начало производства дознания прокуратурой.

В немецкой правовой литературе указываются, что подозрение является многоаспектным понятием, оно имеет различные значения для всей уголовно-процессуальной деятельности. Практически каждый автор того или иного научного труда в сфере немецкого уголовного процесса говорит о том, что подозрение (а именно начальное подозрение) является предпосылкой для начала всей уголовно-процессуальной деятельности.

В основе начального подозрения лежит принцип легальности, закрепленный в § 152 II УПК Германии, в соответствии с которым прокуратура обязана, поскольку иное не предусмотрено законом, принимать меры в отношении всех уголовно наказуемых деяний, если имеются **достаточные**

---

⁴²Walder, Hans. Kriminalistisches Denken. 8. Überarbeitete Auflage. Kriminalistik Verlag, Heidelberg. 2009. S. 100.

фактические основания. Именно с наличием достаточных фактических оснований, т.е. начального подозрения, УПК Германии связывает начало производства дознания прокуратурой. Поскольку с наличием начального подозрения в большинстве случаев связано появление в процессе фигуры обвиняемого, далее оно будет описано подробнее.

Кроме того, УПК Германии в различных параграфах связывает с подозрением возможность применения мер процессуального принуждения, то есть оно является предпосылкой для применения данных мер, причем применение некоторых мер процессуального принуждения связано с достижением той или иной степени подозрения.

Наиболее наглядным примером для демонстрирования влияния подозрения на избрание меры пресечения является такая мера пресечения как заключение под стражу. Для избрания данной меры пресечения предпосылкой является такая степень подозрения как **сильное подозрение (dringender Verdacht)**.

О сильном подозрении УПК Германии упоминает в § 112 I. В соответствии с данной нормой, заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть избрано обвиняемому, **если против него имеется сильное подозрение** и есть предусмотренные в законе основания для избрания данной меры пресечения.

Законодатель Германии не раскрывает в нормах уголовно-процессуального кодекса, что именно следует понимать под сильным подозрением, каковы его квалифицирующие признаки. Ответ на данный вопрос был сформулирован в течение длительного времени судебной практикой и доктриной.

Сильное подозрение присутствует, если в результате расследования существует высокая степень вероятности того, что обвиняемый является преступником или соучастником уголовно наказуемого деяния.⁴³ Однако уже

---

⁴³ Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм./ Вернер Больке; Пер. с нем. Я.М. Плоскиной; Под ред. Л.В. Майоровой. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. С. 36.

вероятность того, что может иметь место обстоятельства, исключающие преступность деяния либо обстоятельства, служащие основанием для освобождения от уголовной ответственности или наказания, исключает наличие сильного подозрения.⁴⁴

Если говорить о степени подозрения, то для данного вида подозрения она выше, чем для достаточного подозрения (*dringender Verdacht*), от наличия которого в соответствии с § 203 УПК Германии зависит начало стадии судебного разбирательства. Необходимо отметить, что сильное и достаточное подозрение относятся к разным моментам времени. Проверка достаточного подозрения исходит из конечного результата завершенного дознания, а потому может опираться на широкую базу для оценки. Напротив, вопрос о наличии сильного подозрения решается на основе положения дознания, часто проведенного неполно, в момент времени подачи заявления об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, принудительного привода или в момент обжалования избранной меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако, как указал Верховный суд ФРГ, имеющееся к началу процесса сильное подозрение может в ходе дознания ослабляться либо вообще исчезать.⁴⁵

Только определенные факты, а не простое предположение, может лежать в основе сильного подозрения. При этом может быть использован только доказательственный материал, собранный к моменту принятия решения об избрании меры пресечения. Предполагаемые результаты ожидаемого дознания, в ходе которого вероятно будет установлена вина обвиняемого, не могут приниматься во внимание. При проверке сильного подозрения судьей, выносящему решение относительно избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, поступает собранный органами дознания фактический материал, и судья на основе свободной оценке доказательств принимает решение, действительно ли обвиняемый **с большой вероятностью совершил**

---

⁴⁴ Kleinknecht, Theodor. Kommentar zur StPO. 43. Auflage. C.H. Beck, München 1997. S. 376.

⁴⁵ Hannich, Rolf. Karlsruher Kommentar zur Strafprozessordnung: mit GVG, EGGVG und EMRK. 6. Auflage. C.H. Beck, München 2008. S. 475.

вменяемое ему уголовно наказуемое деяние. При этом судья вправе, если данные действия не повлекут за собой затягивание решение вопроса об избрании рассматриваемой меры пресечения, распорядиться о проведении дополнительного дознания или самостоятельно произвести определенные действия, направленные на получение информации (например, запросить телефонные переговоры).⁴⁶

Если для начала проведения дознания необходимо начальное подозрение, то **достаточное подозрение** имеет значения для принятия решения об открытии судебного разбирательства в соответствии с § 203 УПК Германии.

Достаточное подозрение при предварительной оценке обстоятельств дела заключается в вероятности последующего осуждения лица.⁴⁷ Вероятность должна быть настолько велика, чтобы суд первой инстанции в стадии судебного разбирательства мог разрешить еще имеющиеся какие-либо сомнения. Степень вероятности должна быть достаточна того, чтобы сделать вывод относительно объективной и субъективной стороны вменяемого в вину подсудимого деяния либо об отсутствии обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость.⁴⁸

Из сказанного можно сделать вывод, что подозрение имеет значения для движения процесса, для изменения процесса по стадиям. Кроме того подозрение в немецкой литературе так же рассматривается как предпосылка вмешательства в различные конституционные права граждан.

Перечисленные выше значения подозрения упоминаются, так или иначе, практически в каждом учебнике по уголовному процессу Германии. Однако в научной литературе можно встретить выделение и других значений подозрения для уголовного процесса, например **подозрение как предпосылка для вины и**

---

⁴⁶Op. cit. S. 475-476.

⁴⁷ Kleinknecht, Theodor. Kommentar zur StPO. 43. Auflage. C.H. Beck, München 1997. S. 665.

⁴⁸ Hannich, Rolf. Karlsruher Kommentar zur Strafprozessordnung: mit GVG, EGGVG und EMRK. 6. Auflage. C.H. Beck, München 2008. S. 920.

меры наказания лица.⁴⁹ Указанное значение подозрения требует разъяснения для понимания.

По общему правилу § 261 УПК Германии говорит о том, что суд должен прийти к определенному убеждению, сложившемуся в результате установления всех обстоятельств дела на основе анализа всей совокупности доказательств. Таким образом, по общему правилу предпосылкой для определения вины и меры наказания является убеждение судьи. В то же время, немецкому уголовному процессу известны случаи, когда вина и мера наказания определяются на основании степени подозрения, т.е. на основании определенной степени вероятности. Например, при таком особом ускоренном порядке судебного рассмотрения дела как при производстве об издании приказа о наказании (Глава 1 Книга 6 УПК Германии). Так, исходя из положений §§ 407, 408 УПК Германии при совершении определенной категории малозначительных преступлений на основе специального письменного заявления прокурора судья может определить вину лица и назначить наказания без проведения судебного разбирательства. При этом, в соответствии с § 408 ПУПК Германии, если судья признает, что в отношении обвиняемого нет достаточного подозрения, он отказывает в вынесении судебного приказа о наказании. Поэтому в указанном примере установление вины лица возможно уже на основании достаточного подозрения.⁵⁰

Однако указанная точка зрения поддерживается не всеми процессуалистами Германии. Некоторые ученые говорят о том, что и судебный приказ о наказании требует именно убеждения судьи в виновности лица, только лишь подозрения какой-либо степени недостаточно для вынесения судебного приказа о назначении наказания, поскольку § 408 III УПК Германии говорит о том, что судья должен удовлетворить заявление прокурора, если виновность

---

⁴⁹См. например, Lohner, Erwin Der Tatverdacht im Ermittlungsverfahren. Peter Lang Europäische Verlag der Wissenschaft, Frankfurt am Main. 1994.

⁵⁰ Lohner, Erwin Der Tatverdacht im Ermittlungsverfahren. Peter Lang Europäische Verlag der Wissenschaft, Frankfurt am Main. 1994 S. 25.

лица не вызывает сомнения.⁵¹ Не вдаваясь в подробности дискуссии ученых Германии относительно данного вопроса, я посчитал полезным из научного интереса затронуть в дипломной работе значение подозрения как предпосылку для принятия решения относительно определения вины и меры наказания.

2.2 Начальное подозрение и принцип легальности

Любое подозрение обязывает органы уголовного преследования начинать предварительное расследование. Для начала предварительного расследования уже достаточно так называемого «начального подозрения». Правовая категория начального подозрения проистекает из принципа легальности (Legalitätsprinzip), предусмотренного § 152 II УПК Германии, **в соответствии с которым прокуратура обязана, поскольку иное не предусмотрено законом, принимать меры в отношении всех преследуемых уголовно-наказуемых деяний, если для этого имеются достаточные фактические основания.**

Именно наличие фактических оснований, достаточных для возбуждения публичного обвинения (что является аналогом возбуждения уголовного дела в УПК РФ), образует начальное подозрение. Основания в смысле § 152 II УПК Германии можно перевести так же как исходные данные. Поэтому из § 152 II УПК Германии следует, что органы уголовного преследования только тогда осуществляют свои полномочия по расследования и уголовному преследованию, когда имеются достаточный фактические основания.⁵²

Начальное подозрение является пограничным понятием, оно означает наименьшую по интенсивности степень подозрения. То, что лежит за данным пределом, еще не является подозрением.⁵³

Только лишь предположение, которое не подтверждается конкретными фактическими данными, еще не образует подозрения. Проф. Клаус Фольк (Klaus Volk) приводит следующие примеры для отграничения простого

---

⁵¹См. например Rieß, Peter. Zweifelfragen zum neuen Strafbefehlsverfahren // Juristische Rundschau. 1988. № 42. S. 133 – 148.

⁵²Die Strafprozessordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz: Grosskommentar. 24. Auflage. Verlag Löwe-Rosenberg, Berlin. 1989. Rn. 22 zum § 152.

⁵³Volk, Klaus. Grundkurs StPO. 7. Auflage. C.H. Beck, München 2010. S. 32.

предположения от начального подозрения. «Служащий Финансового департамента Баварского города В помогал своим друзьям и знакомым заполнять налоговые декларации, при этом в указанные декларации он включал несуществующие расходы, которые служили основанием для предоставления неправомерного налогового вычета. Безусловно, можно предположить, что подобная практика распространена и среди других служащих финансовых органов. Однако хотя указанная гипотеза достаточно убедительная, она остается только гипотезой, чистым предположением, которое не обосновывается какими-либо фактическими данными».⁵⁴

«Однако в случае, если полицейский получает анонимное сообщение, что другой конкретный финансовый служащий, так же как и его коллега, ведет аналогичную преступную деятельность, в этом случае исходных данных достаточно для начального подозрения. Теперь имеет место более чем общая и теоретическая вероятность: из указанных данных можно рассмотреть возможность совершения уголовно-наказуемого деяния. Только лишь анонимное сообщение, которое по своему содержанию является не более чем доносом, может лежать в основании начального подозрения, которое подлежит проверки, чтобы его подтвердить или отвергнуть»⁵⁵.

В случае с начальным подозрением речь идет о подозрении, относящемся к деянию. В связи с этим не требуется, чтобы подозрение было направлено против конкретного лица. По мнению Верховного суда ФРГ «подозрение «неизвестного» достаточно, поскольку к понятию начальное подозрение относится лишь то, что в случае с начальным подозрением имеется лишь достаточные фактические исходные данные о том, что произошло преступление, имеющиеся исходные данные еще не должны обязательно указывать на конкретное лицо»⁵⁶.

Как указано выше, принцип легальности говорит о том, что с наличием начального подозрения связана обязанность прокуратуры начинать дознание.

---

⁵⁴Volk, Klaus. Grundkurs StPO. 7. Auflage. C.H. Beck, München 2010. S. 32.

⁵⁵Op. cit.

⁵⁶Цит. по Volk, Klaus. Grundkurs StPO. 7. Auflage. C.H. Beck, München 2010. S. 33.

Указанное правило вытекает помимо положений § 152 II УПК Германии из положений норм § 160 и § 163 УПК Германии. § 163 УПК Германии раскрывает задачи полиции. В соответствии с положениями указанной нормы, ведомства полиции и полицейские служащие должны исследовать обстоятельства уголовно наказуемого деяния и без промедления принять все меры к тому, чтобы не допустить противодействия выяснению этих обстоятельств. Проф. Эрвин Лонер (Ervin Lohner) указывает, что полномочия полиции (§ 163 УПК Германии) имеют те же самые предпосылки, как и положения § 152 II и § 160 УПК Германии, а именно наличие «начального подозрения».

Общепризнанной в Германии является точка зрения, в соответствии с которой прокуратура обязана проводить дознание при наличии начального подозрения. Кроме того, согласно господствующей точке зрения, начальное подозрение ограничивает так же право органов дознания по собиранию каких-либо сведений, так как органы дознания могут принимать какие-либо меры только при наличии достаточных фактических данных. Однако, на наш взгляд, по данному вопросу заслуживает внимание позиция проф. Эрвина Лонера (Ervin Lohner) о возможности существования права на проведение дознания без начального подозрения.

Закон не дает однозначного ответа на вопрос, определяется ли момент начала дознания через начальное подозрение или, напротив, возможны ситуации, когда возможно проведение дознания, несмотря на то, что соответствующая обязанность правоохранительных органов еще не возникла.⁵⁷

Проф. Лонер говорит о том, что необходимо различать право и обязанность к принятию мер в отношении уголовно наказуемого деяния. И наличие достаточных фактических данных является предпосылкой именно для обязанности к принятию мер. При этом, правоохранительный орган имеет право на проведение дознания в любой момент, но при условии не

---

⁵⁷ Lohner, Erwin Der Tatverdacht im Ermittlungsverfahren. Peter Lang Europäische Verlag der Wissenschaft, Frankfurt am Main. 1994. S. 141.

вмешательства в права граждан, поскольку начальное подозрение имеет значение так же для определения момента, связанного с возможным вмешательством в конституционные права граждан в связи с уголовным преследованием.⁵⁸

Как было указано выше, с начальным подозрением в Германии связано появление такой фигуры в процессе как обвиняемого. Подробнее данному вопросу будет посвящен следующий параграф настоящей главы дипломной работы.

2.3 Обвинение и подозрение. Предъявление обвинения по законодательству Германии

Как было указано ранее, центральным понятием уголовного процесса в Германии является подозрение. Любой учебник по уголовному процессу Германии так или иначе раскрывает понятие подозрение.

Иначе дело состоит с понятием обвинение. Раскрытие указанного понятия в Германии можно встретить только в отдельных научных источниках. Хотя несомненна взаимосвязь таких правовых категорий как «подозрение», «обвинение» и «обвиняемый». Наиболее успешно, на мой взгляд, данная взаимосвязь показана проф. Мартином Финке (Martin Finke) в его работе «К понятию обвиняемый и степени подозрения»⁵⁹.

После реформы уголовного процесса в Германии 1974 года было отменено предварительное следствие как форма расследования, предварительное расследование в ФРГ теперь осуществляется прокуратурой только в форме дознания. При этом, с отменой предварительного следствия был отменен формальный акт о привлечении лица в качестве обвиняемого. Теперь лицо через сам факт уголовного преследования, направленного против него, достигает процессуального статуса обвиняемого.

---

⁵⁸ Op. cit. S. 143-144.

⁵⁹ Finke, Martin. Zum Begriff des Beschuldigung und den Verdachtstypen // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1983. № 95. S. 918-972.

Проф. Мартин Финке еще в 1983 году писал, что, в сущности, уголовный процесс сегодня начинается с предъявления обвинения⁶⁰. Сегодня согласно господствующей точке зрения, не столько подозрение, а только лишь начало процедуры дознания может быть основополагающим для возникновения такого участника уголовного процесса как обвиняемый. В промежутке между подозрением и началом дознания уже может проявиться качество обвиняемого из свойств и характера дознания, например, из обстоятельств допроса, субъективных намерений сотрудников, осуществляющих дознание, на преследование лица и т.п.⁶¹

Необходимо отметить, что в немецком языке «обвинение» обозначается такими терминами как „Beschuldigung“ и „Inkulpatation“. При этом, если под понятием «Inkulpatation» в Германии понимается предъявление обвинения, которое, как указано выше, проявляется через сам факт осуществления дознания против конкретного лица, то под термином «Beschuldigung» понимается именно то деяние, которое вменяется лицу, а именно предположение (гипотеза) того, что лицо совершило определенное уголовно наказуемое деяние. Как справедливо отметил проф. Мартин Финке, «никто не является обвиняемым сам по себе, а только в отношении определенного обвинения».⁶² Если посмотреть на этимологию указанных терминов, то они должны являться полностью синонимичными. Термин „Inkulpatation“ произошел от латинского «Inculpatio» - обвинение, корнем этого слова является «culpa» - вина, а корнем слова «Beschuldigung» является «Schuld», обозначающий вину в немецком языке.

Относительно употребления термина «обвиняемый» необходимо, на наш взгляд, сделать следующее замечание. В УПК Германии для обозначения фигуры обвиняемого используются различные понятия, а именно, «Beschuldigte», «Angeschuldigte» и «Angeklagte».

---

⁶⁰Op. cit. S. 954.

⁶¹Kühne, Hans-Heiner. Strafprozessrecht. 8. Auflage. Verlag C. F. Müller Lehr- und Handbuch, Heidelberg. 2010. S. 74

⁶²Finke, Martin. Zum Begriff des Beschuldigung und den Verdachtstypen // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1983. № 95. S. 955.

В УПК Германии не содержится легального определения понятия обвиняемый («Beschuldiger»). Тем не менее, законодатель употребляет понятие обвиняемый («Beschuldiger») в многочисленных параграфах, при этом не раскрывает содержание данного понятия. Иначе обстоит дело с понятиями «Angeschuldigter» и «Angeklagter». Содержание данных понятий раскрывается в параграфе 157 УПК Германии.

Удачно разграничить указанные правовые категории удалось, как нам кажется, Я.М. Плошкиной при переводе учебника по Уголовно-процессуальному праву ФРГ проф. Больке (Werner Beulke)⁶³. Так под понятием «Beschuldiger» понимается обвиняемый в широком смысле. Он существует на протяжении всего процесса. Обвиняемым в узком смысле («Angeschuldigter») является обвиняемый, которому предъявлено государственное обвинение (§ 157 1. Alt УПК Германии), т.е. когда существует в отношении его обвинительное заключение (§ 170 I УПК Германии). Обвиняемый именуется подсудимым («Angeklagter»), когда в отношении его решено начать судебное разбирательство (§ 157 2. Alt УПК Германии).

Необходимо отметить, что уголовному процессу Германии присущ содержательный подход к обвинению, то есть появление такого участника уголовного процесса как обвиняемого вытекает из факта направления уголовного преследования против конкретного лица. В данном случае под обвиняемым уголовно процессуальная доктрина Германии вместе с судебной практикой понимает именно обвиняемого в широком смысле («Beschuldigte»).

Говоря о связи подозрения с обвинением, проф. Мартин Финке справедливо замечает, что обвинение необходимо отличать от обязанности по обвинению лица. Указанное положение вытекает из принципа легальности, который требует преследовать каждого, в случае, когда имеются достаточные фактические основания (§ 152 II УПК Германии) и запрещает вместе с тем преследование, когда указанные основания отсутствуют. Из сказанного проф.

---

⁶³ См. Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм./ Вернер Больке; Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; Под ред. Л.В. Майоровой. – Красноярск: РУМЦЮО, 2004. С. 36.

Мартин Финке делает вывод о том, что «подозрение не является признаком обвинения, а только предпосылкой для обвинения лица»⁶⁴

Только лишь наличие подозрения никого автоматически не превращает в обвиняемого. УПК Германии не выделяет такого участника процесса как подозреваемый. Поэтому, в литературе отмечается, что закон (в §§ 55, 60 № 2 УПК Германии) исходит из того, что существуют свидетели, находящиеся под подозрением, т.е. наличие простого подозрения в отношении лица не превращает его автоматически в обвиняемого.⁶⁵

Свойства обвиняемого проявляются не через (объективную) силу подозрения, а благодаря волевому акту органов уголовного преследования. Так как «волевой акт»⁶⁶ полиции или прокуратуры, через который лицо становится обвиняемым, как-либо не формализован, указанный «волевой акт» может быть заложен уже в каждом мероприятии по уголовному преследованию, направленному против конкретного лица.⁶⁷ При этом, как отмечает проф. Бойльке, указанным актом является «волевой акт органа, осуществляющего уголовное преследование, в котором выражается его позиция, которая заключается в том, что этот орган может осуществлять уголовный процесс в отношении подозреваемого, но в новом качестве последнего – как обвиняемого»⁶⁸. При этом необходимо заметить, что орган, осуществляющий уголовное преследование, **обязан** объявить подозреваемого формально обвиняемым, если существующее в отношении него подозрение усиливается до

---

⁶⁴Finke, Martin. Zum Begriff des Beschuldigung und den Verdachtstypen // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1983. № 95.S. 919.

⁶⁵Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм./ Вернер Больке; Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; Под ред. Л.В. Майоровой. – Красноярск: РУМЦЮО, 2004. С. 79.

⁶⁶Говоря о волевом акте, необходимо отметить, что понятие акт в данном случае условно. В основе появления субъекта со статусом обвиняемого лежит воля преследования данного лица (Verfolgungswille), именно воля, а не ее изъяснение. Для наглядности, как нам кажется, уместно провести аналогию с таким институтом гражданского права как волеизъявление. Далее в тексте помимо термина «волевой акт» будет так же употребляться термин «воля преследования» (прим. автор).

⁶⁷Kramer, Bernhard. Grundbegriffe des Strafverfahrensrechts. 7. Auflage. W. Kohlhammer Druckerei GmbH, Stuttgart. 2009. S. 19.

⁶⁸Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм./ Вернер Больке; Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; Под ред. Л.В. Майоровой. – Красноярск: РУМЦЮО, 2004. С. 79.

достаточного конкретного начального подозрения в совершении преступления (§ 152 II УПК Германии).⁶⁹

В Германии не существует такого формального акта аналогичного постановлению о привлечении лица в качестве обвиняемого в России. В литературе отмечается, что практика рассматривает допрос обвиняемого, а именно первый допрос обвиняемого в соответствии с § 136 УПК Германии, в качестве прототипа акта привлечения лица в качестве обвиняемого.⁷⁰ В практике возможны ситуации, когда лицо допрашивают как свидетеля, при этом против этого лица имеются данные, достаточные для начального подозрения.

В подтверждение сказанного приведу пример из судебной практики⁷¹. Так Т находясь в доме совершил убийство своей жены и дочери. Тела он спрятал в расположенном в 30 км лесном массиве. Только по прошествии 3 лет оба тела были найдены в скелетированном состоянии. Т был осужден окружным судом к пожизненному лишению свободы. На указанный приговор Т подал кассационную жалобу, в которой указал, что при первых двух допросах полиции ему не были разъяснены права обвиняемого.

Верховный суд ФРГ отменил приговор и отправил дело на новое рассмотрение. В основе этого лежало обстоятельство того, что суд первой инстанции при постановлении приговора оценивал свидетельские показания Т, данный полицейским на первых двух допросах, при этом были нарушены права Т, ему не было разъяснено обвинение и права обвиняемого.

Т, который вскоре после совершения преступления, подал в полицию заявление о безвестном отсутствии жены и дочери, следующие полгода был допрошен полицией как свидетель, еще до того, как было начато дознание в связи с подозрением о преступлении. Органы уголовного преследования не

---

⁶⁹ Op. cit.

⁷⁰ Finke, Martin. Zum Begriff des Beschuldigung und den Verdachtstypen // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1983. № 95.S. 948.

⁷¹ См. BGH, Urteil vom 3. 7. 2007 - 1 StR 3/07 (LG Waldshut-Tiengen) // Neue Juristische Wochenschrift. 2007. № 37. S. 2706.

допрашивали Т как обвиняемого, поскольку в соответствии с их оценкой не было фактических данных, которые лежали бы в основании конкретного и значительного подозрения в преступлении против жизни, на основе которого можно было бы прийти к выводу о наличии обязанности разъяснения обвинения и прав обвиняемого. Тем не менее, обязанность по разъяснению обвинения возникла, поскольку органы расследования при первых двух допросах и последующими действиями демонстрировали поведение, из которого для Т следовало, что с ним обращаются как с обвиняемым. Подобное намерение уголовного преследования следовало из цели, формы допроса и других сопутствующих факторов, таких например, как проведение поисков тел пропавших на принадлежащем Т земельном участке. Допрос очевидно служил для того, чтоб посредством криминалистической тактики получить доказательства причастности Т к совершению преступления, в виновности которого органы расследования показывали убежденность, чтобы способствовать или облегчить при необходимости в последующем возможное получение уличающих доказательств. Поведение органов предварительного расследования и вопросы были направлены на слабые места данных ранее объяснений, и, в конечном счете, в настойчивой форме воздействовали на добровольное признание вины. Примерно вопросы звучали так: «тебя совесть не мучает»?

Помимо допроса, как прототипа акта привлечения лица в качестве обвиняемого, в Германии является общепризнанной точка зрения, что обоснование признаков обвиняемого лица возможно так же выразить конклюдентно. В соответствии с этим, подозреваемый конклюдентно объявляется обвиняемым независимо от воли органа, осуществляющего уголовное преследование, если в отношении его выносится постановление или представлено ходатайство о производстве мероприятия, которое допустимо только в отношении обвиняемого лица, например, постановление о заключении под стражу (§ 112 УПК Германии), кратковременное задержание (§ 127 ПУПК

Германии), обследования и производство процедур, необходимых для опознания личности согласно §§ 81a, 81b УПК Германии.⁷²

Настоящая глава дипломной работы, посвященная обвинению в Германии, была бы не полной без описания проблемы определения времени обвинения. Особое внимание описанию данной проблемы посвятил проф. Мартин Финке.

По мнению проф. Мартина Финке ведением процесса против конкретного лица, хотя и выражается решение органов уголовного преследования, в том, что данное лицо в процессе начинает играть роль обвиняемого, однако привлечение указанного лица в качестве обвиняемого является не завершенным. Для этого еще требуется информирование лица о его статусе и об обвинении. Информирование лица о привлечение его в качестве обвиняемого и сообщение ему обвинения являются составными частями, а не просто последствиями процесса обвинения⁷³, при этом оба этих элемента завершения обвинения должны рассматриваться независимо друг от друга. Хотя в идеале обе эти части обвинения должны происходить в одно и то же время, право ФРГ с полным основанием не сделало нормой указанный идеальный случай, так как данная норма имела бы отрицательные моменты для начала действия на преследуемое лицо вышеупомянутых актов обвинения.⁷⁴

Лицо так долго не начинает играть роль обвиняемого в процессе, пока ему непосредственно не объявлено о воле преследования. Объявление о привлечении лица в качестве обвиняемого требуется при официальном вызове лица в органы дознания, а в соответствии с правильным толкованием закона, уже в случае с полицейской повесткой. Аналогичная ситуация имеет место при допросе лица в качестве обвиняемого, а так же указанное требование, само

---

⁷²Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. И изм./ Вернер Больке; Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; Под ред. Л.В. Майоровой. – Красноярск: РУМЦЮО, 2004. С. 79.

⁷³ Далее под обвинением будут пониматься либо процесс привлечения лица в качестве обвиняемого, что соответствует термину «Inkulration» либо утверждение о совершении лицом определенного уголовного наказуемого деяния, что соответствует термину «Beschuldigung».

⁷⁴ Finke, Martin. Zum Begriff des Beschuldigung und den Verdachtstypen // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1983. № 95. S. 953.

собой разумеется, распространяется на случаи задержания и принудительного доставления лица⁷⁵.

Из вышесказанного в свете современной фактической ситуации можно сделать вывод, что закон для «подлинного» процесса предусмотрел информированного обвиняемого, «подлинный» процесс должен начинаться сегодня с обвинения лица. Скрытие статуса находит свое естественное проявление в бесправии обвиняемого. Поскольку процессуальный закон предоставляет отдельные права в виде последствия привлечения лица в качестве обвиняемого, то закон вынужден так же обеспечить сообщение лицу о его статусе⁷⁶.

Как было указано выше, помимо объявления обвиняемому о его статусе, составной частью обвинения лица является раскрытие указанному лицу информации о вменяемом в его вину деянии. В данном случае немецкая доктрина употребляет термин „Beschuldigung“, который аналогичен понятию обвинения в материально-правовом смысле, сформулированным в отечественной науке уголовного процесса.

Говоря о допросе как прототипе акта привлечения лица в качестве обвиняемого, необходимо заметить, что в соответствии с § 136 I 1 УПК Германии в начале первого допроса обвиняемого ему должно быть сообщено, какие деяния ему вменяются в вину и какими нормами уголовного закона указанные деяния предусмотрены.

Из свойства сообщения лицу об обвинении как составной части привлечения его в качестве обвиняемого следует, что в случае, когда ему становится известно об обвинении каким-либо иным способом, не лишним будет сообщение данному лицу о вменяемом ему деянии. Обязанность по сообщению лицу об обвинении должна не только гарантировать, что обвиняемый каким-либо образом когда-либо узнает в полном объеме об обвинении, указанная обязанность определяет тот порядок, исключительно в

---

⁷⁵ Op. cit. S. 953 – 954.

⁷⁶ Op. cit.

соответствии с которым в процессе должен появиться такой субъект как обвиняемый.⁷⁷

Малоизученным в Германии остается вопрос относительно момента возникновения обязанности по завершению обвинения. При этом отмечается, что обе составных части привлечения лица в качестве обвиняемого должны происходить одновременно. То обстоятельство, что сокрытие реального статуса лица может привести к отрицательным последствиям, требует немедленного сообщения лицу о его статусе обвиняемого и раскрытие ему информации об имеющимся обвинении.⁷⁸

Говоря о моменте завершения обвинения в Германии до настоящего времени сложилось два подхода: формальный, в соответствии с которым завершение предъявления обвинения ориентируется на определенные процессуальные действия, и материальный, в соответствии с которым указанный момент определяется интересами участвующих в процессе субъектов.⁷⁹

При формальном подходе обвинение связано с некоторыми мерами процессуального принуждения либо с допросом, и в силу закона, указанные процессуальные действия связаны с окончанием предъявления обвинения. Однако указанные процессуальные действия происходят не всегда, и поэтому являются случаем самого позднего момента предъявления обвинения. Когда указанные меры процессуального принуждения не применяются либо допускается откладывание допроса преследуемого лица, необходимо определение автономного момента завершения предъявления обвинения.⁸⁰

При материальном подходе определения времени окончания обвинения должны взвешиваться интересы участников уголовного судопроизводства. Указанное до настоящего момента представлялось невозможным в виду противоречивости интересов. При этом, в первую очередь имеется в виду не

---

⁷⁷ Op. cit. S. 960.

⁷⁸ Op. cit. S. 955.

⁷⁹ Op. cit. S. 964.

⁸⁰ Op. cit. S. 965.

противоположность интересов дознавателя и преследуемого лица, а тот факт, что оба указанных субъекта имеют интересы в силу одних причин в более раннем моменте завершения обвинения, а в силу других – в более позднем.⁸¹

Обвиняемый с одной стороны заинтересован в том, чтобы как можно раньше узнать об обвинении. Исходя из конституционных прав, обвиняемый должен знать о существовании направленного против него процесса, а так же об уличающих доказательствах и своих правах, чтобы быть в состоянии незамедлительно осуществлять формальную защиту. С другой стороны, преждевременное привлечение лица в качестве обвиняемого может нести отрицательные последствия в другие сферы жизни преследуемого лица, например, в виде преждевременного общественного осуждения.⁸²

В случае с дознавателем, с одной стороны, чем раньше преследуемому лицу будет сообщено об обвинении, тем скорее дознаватель сможет проверить версии защиты лица, направленные на оправдание обвиняемого. С другой стороны, информированный обвиняемый может представлять в определенном смысле помеху для беспрепятственного проведения дознания.⁸³

Анализируя интересы субъектов уголовного процесса на основе того факта, что интересы можно разделить на легитимные и нелегитимные, проф. Мартин Финке приходит к выводу, что сообщение обвиняемому о его статусе и об обвинении должно иметь место так скоро, как это фактически возможно. В остальном, самый поздний момент окончания предъявления обвинения должен быть связан с проведением процессуальных действий, которые в соответствии с положениями закона предусматривают обязанность органов уголовного преследования сообщить об обвинении (например, при допросе).⁸⁴

---

⁸¹ Op. cit. S. 966.

⁸² Op. cit. S. 966-967.

⁸³ Op. cit. S. 966-967.

⁸⁴ Op. cit. S. 972.

3 АВТОНОМНАЯ КОНЦЕПЦИЯ «УГОЛОВНОГО ОБВИНЕНИЯ» В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Понятие «обвинение» содержится в статье 6 Конвенции о защите прав человека (далее по тексту – Конвенция). В соответствии с частью 1 статьи 6 Конвенции *«каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или - в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо - при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия».*

Необходимо отметить тот факт, что при толковании и применении Конвенции Европейский суд по правам человека (далее по тексту – Европейский суд) не связан тем значением правовых понятий, которые даются в национальном законодательстве. Кроме того, в своей практике Европейский суд неоднократно указывал на то, что некоторые понятия должны толковаться автономно от того, как они понимаются в национальных правовых системах. Это так называемые автономные понятия.

В научной литературе можно встретить следующее определение автономных правовых понятий: «автономные правовые понятия, образующие самостоятельную группу в системе правовых стандартов Европейского суда, - это понятия, содержание и объем которых лишь частично совпадает с содержанием и объемом аналогичных понятий в национальном праве

государств - участников Конвенции, поскольку данные понятия определяются Судом в соответствии с целями Конвенции».⁸⁵

Не является исключением и понятие «уголовное обвинение». Так, Европейский суд неоднократно указывал, что с точки зрения статьи 6 Конвенции понятие "уголовное обвинение" имеет автономное значение.⁸⁶

При буквальном толковании, обвинение тогда считается «уголовным», когда связано с уличением лица в совершении именно преступления, то есть деяния, ответственность за которое предусмотрена именно уголовным законодательством. Однако в национальных правовых системах правонарушения в широком смысле слова предусмотрены в различных отраслях права. Например, кроме уголовного, в административном или трудовом праве (дисциплинарные правонарушения). И при буквальном толковании Конвенции, лица, которым вменяется в вину совершение данных деяний, выпадали бы из действия гарантий, предоставленных статьей 6 Конвенции. Поскольку при указанном подходе государства неоднократно нарушали позитивную обязанность по предоставлению указанному лицу права на справедливое судебное разбирательство в соответствии с теми стандартами, которые предоставляет статья 6 Конвенции, Европейский суд в своей практике расширил понимание уголовного обвинения на те деяния, которые формально национальными законодательствами не относятся к уголовным.

Понятие обвинения в целях статьи 6 Конвенции Европейский суд в своей практике определил как «официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно наказуемое правонарушение»⁸⁷. Кроме того,

---

⁸⁵ См. Алисиевич Е.С. Система правовых стандартов Европейского суда по правам человека / С.Е. Алисиевич // «Юрист-международник». 2006. - N 4 // СПС Консультант Плюс.

⁸⁶ См. например, Решение Европейского суда по правам человека по делу Демиколи (Demicoli) против Мальты [Электронный ресурс]: решение от 20.08.1991 № 13057/81 // http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Demicoli_v_Malta_27_08_1991.pdf (дата обращения 05.05.2013).

⁸⁷ Постановление Европейского суда по правам человека по делу Девеер (Deweer) против Бельгии [Электронный ресурс]: постановление от 27.02.1980 // СПС Консультант Плюс.

обвинению свойственно то, что оно сказалось существенным образом на положении [подозреваемого]»⁸⁸.

Если часть 1 статьи 6 Конвенции употребляет понятие «уголовное обвинение», то части 2 и 3 указанной статьи говорят об обвиняемом в совершении уголовного преступления. Однако Европейский суд в своих решениях указал, что исходит из той идеи, что "уголовное обвинение", "обвиняемый в совершении уголовного преступления" и "обвиняемый" - термины, использованные в трех пунктах статьи 6, говорят об одной и той же ситуации.⁸⁹

Основанием для придания понятию «уголовное обвинение» автономного значения является тот факт, что «уголовное судопроизводство, как правило, сопровождается более полными гарантиями».⁹⁰

Относительно предъявления «уголовного обвинения» в том понимании, какое заложено в Конвенции, Европейский суд сформулировал три критерия: классификация правонарушения во внутреннем законодательстве, характер правонарушения и строгость потенциального наказания.

Говоря о первом критерии, необходимо отметить, что если обвинение в системе внутреннего права классифицируется как уголовное, то статья 6 Конвенции применяется автоматически.⁹¹ Однако Европейский суд указал, что отнесение во внутреннем законодательстве того или иного правонарушения к уголовному является «не более чем отправной точкой. Полученные таким образом данные имеют только формальную и относительную ценность и

---

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ См. например, Постановление Европейского суда по правам человека по делу Минелли (Minelli) против Швейцарии [Электронный ресурс]: постановление от 25.03.1983 // http://eurpcourt.ru/uploads/ECHR_Minelli_v_Switzerland_25_03_1983.pdf (дата обращения 05.05.2013).

⁹⁰ Постановление Европейского суда по правам человека по делу Энгель (Engel) и другие против Нидерландов [Электронный ресурс]: постановление от 08.06.1976 // <http://www.echr.ru/documents/doc/2461444/2461444.htm> (дата обращения 05.05.2013).

⁹¹ Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии: М.: Российская академия правосудия, 2001. URL: echr.ru/documents/manuals/Article06/Article6.rtf (дата обращения: 10.05.2013). С. 23.

должны быть изучены в свете общего знаменателя, выводимого из законодательств различных государств – участников».⁹²

Говоря о втором и третьем критерии, Европейский суд, как правило, отмечает, что они носят альтернативный, а не кумулятивный характер. Например, в § 55 постановления по делу Лутц (Lutz) против Федеративной Республики Германии Европейский суд пришел к выводу, что «для того чтобы статья 6 применялась достаточно, чтобы рассматриваемое нарушение было с точки зрения Конвенции «уголовным» по своей природе или подвергало заинтересованное лицо риску понести наказание, которое по своему характеру и степени тяжести могло быть приравнено к «уголовному».⁹³ Однако не всегда указанные выше критерии применяются альтернативно. В случае, когда альтернативный подход не позволяет сделать вывод о наличии уголовного обвинения, может применяться кумулятивный подход.⁹⁴

Говоря о втором критерии Европейский суд указал, что «сам характер правонарушения является гораздо более важным фактором».⁹⁵ В прецедентной практике Европейского суд характер обвинения в зависимости от различных факторов относился к категории уголовного.

В ряде решений суд указывал, что характер обвинения может зависеть от того, относится ли норма, предусматривающая ответственность исключительно к определенной группе лиц или она носит общеобязательный характер. Например, в деле Бенденун (Bendenoun) против Франции суд определил обвинение как уголовное, в том числе исходя из указанной предпосылки. В данном деле заявителю вменялось в вину нарушение налогового законодательства. «По просьбе таможенной администрации налоговые службы произвели в сентябре 1976 г. проверку счетов общества, в котором заявитель

---

⁹² Постановление Европейского суда по правам человека по делу Энгель (Engel) и другие против Нидерландов [Электронный ресурс]: постановление от 08.06.1976 // <http://www.echr.ru/documents/doc/2461444/2461444.htm> (дата обращения 05.05.2013).

⁹³ Постановление Европейского суда по правам человека по делу Лутц (Lutz) против Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]: постановление от 25.08.1987 // СПС Консультант Плюс.

⁹⁴ Европейский суд по правам человека. Основные положения практики суда. Статья 6 (понятие «уголовное обвинение»). URL: http://pravosudia.net/files/espch_ponyatie_ugolovki.pdf (дата обращения: 01.05.2013).

⁹⁵ Постановление Европейского суда по правам человека по делу Энгель (Engel) и другие против Нидерландов [Электронный ресурс]: постановление от 08.06.1976 // <http://www.echr.ru/documents/doc/2461444/2461444.htm> (дата обращения 05.05.2013).

был президентом - генеральным директором и основным держателем акций; установив, что некоторые операции по продаже старинных монет не были отражены в бухгалтерском учете, налоговая служба произвольно назначила размеры обложения. Преследования таможи закончились заключением мирового соглашения и направлением в налоговую службу всего дела, то есть 24 протоколов и 352 документов. Оспаривая размеры дополнительного налогообложения, заявитель, г-н Банденун (Bendenoun), подал тогда иск в административный суд. Он обратился с просьбой к председателю этого суда истребовать у прокурора Республики все дело, заведенное на него таможенной администрацией, включая также и документы, не использовавшиеся для обвинения, но последний отклонил его просьбу. Административный суд отверг обжалование г-на Банденуна, а Государственный Совет не принял к рассмотрению его апелляцию. Заявитель утверждал, что был нарушен принцип состязательности в ходе производства по его делу и что, таким образом, имело место нарушение его права на справедливое судебное разбирательство».⁹⁶

В указанном выше деле Европейский суд отметил, что «вменяемые в вину факты подпадали под действие общего кодекса налогообложения, относящегося ко всем гражданам как налогоплательщикам, а не к определенной группе лиц, наделенных особым статусом, который предписывает им определенное поведение под угрозой наказания».⁹⁷

Характер правонарушения как фактор определения уголовного обвинения может завесить от того, является ли юридическая норма мерой наказания или профилактики. В деле Озтюрк (Öztürk) против Германии Европейский суд рассматривал вопрос, относится ли к уголовному обвинение лица в совершении правонарушения в области безопасности дорожного движения, которое ранее

---

⁹⁶ Постановление Европейского суда по правам человека по делу Бенденун (Bendenoun) против Франции [Электронный ресурс]: постановление от 22.02.1994 // <http://hudoc.echr.coe.int/webservices/content/pdf/001-100604> (дата обращения 05.05.2013)

⁹⁷ Там же

являлось уголовным и было декриминализовано в связи с введением в стране законодательства об административных правонарушениях.⁹⁸

В указанном деле Европейский суд пришел к выводу, что рассматриваемое обвинение является уголовным в смысле статьи 6 Конвенции, поскольку «штрафная санкция не потеряла своего репрессивного характера в ходе реформ, являясь характерным признаком уголовных наказаний».⁹⁹ В связи с этим, «общая природа применимой нормы и цели наказания, являющиеся как предупреждающими, так и наказывающими, были достаточными для доказательства того, что оспариваемое правонарушение приобрело уголовную природу в смысле статьи 6 Конвенции».¹⁰⁰

Кроме того, при рассмотрении дела Озтюрк (Öztürk) против Германии Европейский суд сформулировал следующий фактор определения характера обвинения как уголовного, а именно, в связи с тем, что «нарушение, совершенное заявителем, продолжает квалифицироваться как уголовное в значительной части государств – участников».¹⁰¹

Третьим критерием отнесения обвинения к уголовному в смысле статьи 6 Конвенции является строгость потенциального наказания. Указанный критерий был применен Европейским судом среди прочих при рассмотрении дела Демиколли (Demicoli) против Мальты. В данном деле заявитель обвинялся в нарушении привилегий членов Палаты представителей (Парламента Мальты), а именно в том, что находясь в должности главного редактора сатирического периодического издания, опубликовал статью, предположительно порочащую честь и достоинство депутатов.¹⁰²

Палата представителей, приняв сначала резолюцию о том, что рассматривает данную статью как нарушение привилегий (Раздел 11.1. к Закона

---

⁹⁸ Решение Европейского суда по правам человека по делу Озтюрк (Öztürk) против Германии [Электронный ресурс]: постановление от 21.02.1984
[//http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Ozturk_v_Germany_21_02_19841.pdf](http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Ozturk_v_Germany_21_02_19841.pdf)

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Решение Европейского суда по правам человека по делу Демиколли (Demicoli) против Мальты [Электронный ресурс]: решение от 20.08.1991 № 13057/81 // http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Demicoli_v_Malta_27_08_1991.pdf (дата обращения 05.05.2013).

о привилегиях и полномочиях), приняла 4 марта 1986 г. вторую резолюцию, обязывающую редактора выступить перед Палатой с объяснением, почему он не должен быть признан виновным. 13 марта 1986 г. г-н Демиколи обратился с заявлением в гражданский суд с оспариванием разбирательства, начатого против него Палатой представителей. 17, 18 и 19 марта 1986 г., когда еще граждански суд не вынес свое решение, заявитель предстал со своим адвокатом перед Палатой представителей.¹⁰³

Палата представителей приняла 19 марта 1986 г., резолюцию, согласно которой г-н Демиколи был признан виновным в нарушении законных привилегий. Вопрос об определении наказания был отложен. В это время гражданский суд принял решение в его пользу, вынеся постановление, что в отношении заявителя должно быть восстановлено положение, существовавшее до того, как против него было начато разбирательство. Несмотря на это, 9 декабря 1986 г. Палата вызывала г-на Демиколи для определения санкции. Наказание представляло собой взыскание штрафа, который составил 250 мальтийских лир.¹⁰⁴

В указанном деле суд пришел к выводу, что Раздел 11.1.к Закона Палаты представителей содержал уголовные санкции, а не гражданско-правовые требования с целью возмещения ущерба. В заключении Суд расценил уровень строгости наказания (максимальное наказание - 60 дней ареста) как достаточно существенное, чтобы квалифицировать нарушение как уголовное. Исходя из этого, Суд пришел к выводу, что статья 6 Конвенции применяется к делу г-на Демиколи.¹⁰⁵

Если рассматривать отрасли, где Европейский суд расценивал обвинение как уголовное в смысле статьи 6 Конвенции, то следует назвать в первую очередь дисциплинарные и административные правонарушения. Кроме того, суд так же приходил к выводу о наличии уголовного обвинения в налоговом, таможенном и конкурсном праве.

---

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

При рассмотрении дела Энгель (Engel) и другие против Нидерландов рассматривался вопрос о наличии «уголовного обвинения» при рассмотрении дела о нарушении военной дисциплины. В указанном деле заявители проходили срочную военную службу в 1970-1971 гг. По разным поводам соответствующими командирами на них были наложены различные наказания за нарушения воинской дисциплины. Так г-н Энгель и г-н Ван дер Виел обвинялись в самовольной отлучке, г-н Де Вит - в нарушении правил управления автомобилем и неисполнении приказов. Г-н Дона и г-н Шул были редакторами газеты "Аларм" ("Тревога") ассоциации военнослужащих; они подверглись наказанию за появление в газете материалов, направленных на подрыв воинской дисциплины. При этом, указанным лицам, несмотря на всю строгость наказания, вменялось в вину совершение именно дисциплинарных проступков.¹⁰⁶

В своем решении Европейский суд указал, что Конвенция, без всякого сомнения, позволяет государствам при выполнении ими функций блюстителей общественных интересов сохранять или устанавливать разграничение между уголовным и дисциплинарным правом, а также проводить между ними разграничение, но только с учетом определенных условий.

Противоположный выбор ограничен более строгими правилами. Если бы Договаривающиеся Государства могли по своему усмотрению классифицировать правонарушение как дисциплинарное вместо уголовного или преследовать исполнителя "смешанного" правонарушения на дисциплинарном, а не на уголовном уровне, действие основных положений статей 6 и 7 было бы подчинено их суверенной воле. Такое расширение полномочий могло бы привести к результатам, несовместимым с целями и задачами Конвенции. Поэтому Суд в соответствии со статьей 6 и даже без ссылки на статьи 17 и 18

---

¹⁰⁶ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу Энгель (Engel) и другие против Нидерландов[Электронный ресурс]: решение от 08.06.1976 // <http://www.echr.ru/documents/doc/2461444/2461444.htm>.

вправе убедиться в том, что дисциплинарное никоим образом не заменяет уголовное.¹⁰⁷

В ряде дел Европейский суд признавал обвинение уголовным в смысле статьи 6 Конвенции при рассмотрении дел о нарушении дисциплины в тюрьмах. В качестве примера можно привести Постановление Европейского суда по делу Эзе и Коннорс (Ezeh and Connors) против Соединенного Королевства. В рассматриваемом деле в период отбывания длительных сроков лишения свободы в тюрьме, заявителям на основании Правил поведения заключенных в тюрьме были предъявлены обвинения в совершении правонарушений. Первому заявителю было предъявлено обвинение в том, что он угрожал сотруднику службы пробации убийством, а второму заявителю - в нападении на тюремного надзирателя. Ходатайства заявителей о предоставлении помощи адвоката на соответствующих слушаниях были отклонены начальником тюрьмы. Оба заявителя были признаны виновными по предъявленным обвинениям, и им назначили дополнительные сроки лишения свободы: первому заявителю - 40 дней, второму - 7 дней. Впоследствии Эзе и Коннорсу отказали в разрешении обжаловать эти решения в порядке судебного надзора за законностью актов администрации.¹⁰⁸

При рассмотрении дела Эзе и Коннорс (Ezeh and Connors) против Соединенного Королевства Европейский суд определил, что «деяния, фигурирующие в настоящем деле, квалифицируются в праве Соединенного Королевства как дисциплинарные правонарушения. Однако фактическая природа этих деяний имеет большее значение для установления применимости по настоящему делу положений Статьи 6 Конвенции. В этой связи следует помнить, что субъектами этих правонарушений является специальная категория лиц - заключенные тюрем, - но никак не граждане вообще. Тем не менее, данное обстоятельство не превращало таковые деяния автоматически в

---

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Постановление Европейского суда по правам человека по делу Эзе и Коннорс (Ezeh and Connors) против Соединенного Королевства [Электронный ресурс]: постановление от 09.10.2003 // СПС Консультант Плюс.

дисциплинарные правонарушения. Наличие специального субъекта правонарушения является лишь одним из релевантных факторов оценки реальной природы этих правонарушений. Обвинения, которые были предъявлены по данному делу в дисциплинарном порядке, относились к деяниям, которые в уголовном праве считаются преступлениями, и если обвинение, предъявленное второму заявителю, касалось относительно незначительного эпизода, который вне тюрьмы, возможно, не стал бы основанием для уголовного преследования, малозначительность этого правонарушения сама по себе еще не означала, что лицо, совершившее это правонарушение, исключается из сферы действия гарантий Статьи 6 Конвенции».¹⁰⁹

С учетом вышеизложенного, Европейский суд сделал вывод, в соответствии с которым «теоретическая возможность параллельного существования двух видов ответственности - уголовной и дисциплинарной - за одни и те же деяния является, по меньшей мере, релевантным фактором, свидетельствующим в пользу квалификации природы обоих фигурирующих в настоящем деле деяний как "смешанных" правонарушений. Кроме того, решение о назначении заявителям дополнительных дней лишения свободы было вынесено после того, как была установлена их виновность, и решение было вынесено с целью наказать заявителей за совершение ими правонарушений и предупредить совершение новых правонарушений ими самими и другими лицами. Различение, проведенное представителем властей Соединенного Королевства при изложении аргументов по делу между карательными и предупредительными целями назначенного заявителям наказания, было для Европейского Суда неубедительным, так как карательные и предупредительные цели наказания не являются взаимоисключающими и поистине являются неотъемлемыми чертами уголовных санкций. Эти факторы придали правонарушениям, фигурирующим в настоящем деле, определенную окраску, которая превращала их в деяния отнюдь не чисто дисциплинарного

---

¹⁰⁹ Там же.

свойства. Посему необходимо обратиться к третьему критерию оценки обстоятельств дела, а именно характеру и суровости возможного в данном случае наказания».¹¹⁰

Говоря об административных правонарушениях, в литературе отмечается, что следующие административные правонарушения могут подпадать под сферу действия уголовного аспекта статьи 6: нарушение правил дорожного движения, наказываемое штрафами, санкции в отношении водительских прав, такие как штрафные пункты или лишение прав, а так же мелкие правонарушения, связанные с нанесением вреда.¹¹¹

В настоящей главе дипломной работы уже приводилось решение Европейского суда по делу Озтюрк (Öztürk) против Германии, в котором заявитель обвинялся в нарушении правил дорожного движения. В указанном деле Европейский суд на основании таких критериев как отнесение подобных правонарушений в большинстве стран-участников конвенции к сфере уголовного права, а так же тот, факт, что штрафная санкция за данное правонарушение в ходе реформы не поменяла своего репрессивного характера, определил правонарушение как уголовное. Абсолютно к аналогичному выводу Европейский суд пришел так же при рассмотрении дела Лутц (Lutz) против Германии.¹¹²

Помимо административных правонарушений, как было указано ранее, статья 6 Конвенции распространяет действие автономного значения «уголовного обвинения» на налоговые правонарушения. Так, указанная статья применяется к рассмотрению дел по налоговым пеням на следующих основаниях: когда закон, предусматривающий пени, касается всех граждан в их качестве налогоплательщиков; когда пени начисляются не как денежная компенсация за ущерб, а в качестве наказания для предотвращения рецидива;

---

¹¹⁰ Постановление Европейского суда по правам человека по делу Эзе и Коннорс (EzehandConnors) против Соединенного Королевства [Электронный ресурс]: постановление от 09.10.2003 // СПС Консультант Плюс.

¹¹¹ Европейский суд по правам человека. Основные положения практики суда. Статья 6 (понятие «уголовное обвинение»). URL: http://pravosudia.net/files/espch_ponyatie_ugolovki.pdf (дата обращения: 01.05.2013).

¹¹² Постановление Европейского суда по правам человека по делу Лутц (Lutz) против Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]: постановление от 25.08.1987 // СПС Консультант Плюс.

когда пени начислены на основании общей нормы, направленной как на предотвращение рецидива, так и на наказание; когда пени были значительным.¹¹³

При рассмотрении дела Юссила (Jussila) против Финляндии, Европейский суд определил, «что в настоящем деле начисление заявителю штрафа осуществлялось на основании норм права общего характера, которые применяются к налогоплательщикам в целом. Суд не считает убедительным довод государства-ответчика о том, что НДС облагается лишь определенная группа лиц, имеющих особый статус, потому что в настоящем деле, как и в ранее упомянутых делах, на заявителя была возложена обязанность по уплате налога как на налогоплательщика. Тот факт, что он предпочел встать на учет по НДС для осуществления предпринимательской деятельности, не меняет сложившейся ситуации. Далее, как признало государство-ответчик, штраф за нарушение законодательства о налогах и сборах не направлен на денежную компенсацию причиненного этим нарушением ущерба, а применяется в качестве наказания, для того чтобы предупредить совершение новых нарушений. Следовательно, можно сделать вывод, что он основан на норме права общего характера, преследующей карательные цели и в то же время являющейся средством устрашения. По мнению Суда, одного лишь этого вывода достаточно, чтобы считать правонарушение, о котором идет речь, преступлением. Незначительность назначенного заявителю наказания отличает настоящее дело от дела «Яносевич против Швеции» и от дела «Бенденун против Финляндии» с точки зрения третьего критерия, установленного по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов». Тем не менее, это отличие не исключает настоящее дело из сферы действия статьи 6 Конвенции. Значит, статья 6 Конвенции в части, касающейся уголовно-процессуальных аспектов,

---

¹¹³ Европейский суд по правам человека. Основные положения практики суда. Статья 6 (понятие «уголовное обвинение»). URL: http://pravosudia.net/files/espch_ponyatie_ugolovki.pdf (дата обращения: 01.05.2013).

применима в настоящем деле, несмотря на незначительный размер штрафа, которому подвергся заявитель».¹¹⁴

Помимо описанных выше сфер, Европейский суд так же указывал, что статья 6 Конвенции в своем уголовном аспекте касается таможенного права (Салабяку (Salabiaku) против Франции, постановление от 7 октября 1988 г., Серия А N 141-А), конкурентного права (Сосьете Стенуи (Société Stenuit) против Франции, постановление от 27 февраля 1992 г., Серия А N 232-А) и налагаемых судом штрафов в отношении финансовых вопросов (Гисе (Guisset) против Франции, N 33933/96, ЕСПЧ2000-IX).¹¹⁵

Затрагивая тему автономного значения уголовного обвинения в практике Европейского суда, на наш взгляд, необходимо так же упомянуть то, какое значение Европейский суд вкладывает в понятие «обвиняемый». Анализ практики Европейского суда показывает, что суд ориентируется не на формальное, а на фактическое положение лица в процессе возбуждения уголовного дела и производства предварительного следствия.¹¹⁶

Под обвиняемым или подозреваемым Европейский суд понимает не только тех лиц, которым формально предъявлено обвинение или которые формально признаются обвиняемыми или подозреваемыми, но и в отношении которых предпринимаются какие-либо действия, подразумевающие такое подозрение, и которые могут серьезно повлиять на положение подозреваемого.¹¹⁷

В этой связи показательным делом является дело Экле (Eckle) против Германии. В указанном деле «господин Экле был владельцем фирмы, которая занималась поставкой в кредит материалов и подготовкой площадок для желающих строить. Его жена работала на этой же фирме. Деятельность фирмы в период

---

¹¹⁴ Постановление Европейского суда по правам человека по делу Юссила (Jussila) против Финляндии [Электронный ресурс]: постановление от 23.11.2006 // http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Jussila_v_Finland_23_11_2006.pdf (дата обращения 05.05.2013).

¹¹⁵ Европейский суд по правам человека. Основные положения практики суда. Статья 6 (понятие «уголовное обвинение»). URL: http://pravosudia.net/files/espch_ponyatie_ugolovki.pdf (дата обращения: 01.05.2013).

¹¹⁶ Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии: М.: Российская академия правосудия, 2001. URL: echr.ru/documents/manuals/Article06/Article6.rtf (дата обращения: 10.05.2013). С. 18.

¹¹⁷ Там же.

между 1959-м и 1967 г. стала предметом трех самостоятельных уголовных дел в Трире, Саарбрюкене и Кельне»¹¹⁸. При этом изначально следствие было направлено только против господина Экле.

Определяя срок судебного разбирательства, то есть тот момент, когда лица стали обвиняемыми в смысле статьи 6 Конвенции, Европейский суд «не счел необходимым проводить какое-либо различие между двумя заявителями, так как, хотя следствие и не было направлено против г-жи Экле с самого начала, она ощущала последствия этого в той же мере, как и ее муж».¹¹⁹

---

¹¹⁸ Постановление Европейского суда по правам человека по делу Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]: постановление от 15.07.1982 // СПС Консультант Плюс.

¹¹⁹ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного, автор приходит к следующим выводам. Обвинение является центральным понятием уголовного процесса. В процессе исторического развития, в процессе развития правовой мысли, менялось понимание данного института. Одним из первых подходов к определению понятия обвинения, выделяемых еще дореволюционными учеными, являлось рассмотрение обвинения в качестве особого публичного иска. В последующем данный подход подвергался жёсткой критике.

В настоящее время сложилось два основных подхода к определению сущности обвинения – это понимание обвинения в материально-правовом смысле и процессуальном смысле. До сих пор, при описании обвинения в указанных смыслах за основу берутся определения, сформулированные еще в 1976 проф. Ф.Н. Фаткулиным. Так, под обвинением в материально-правовом смысле понимается совокупность установленных по делу и вменяемых обвиняемому в вину общественно-опасных и противоправных фактов (их признаков), составляющих существо того конкретного состава преступления, за которое это лицо несет уголовную ответственность и, по мнению органов обвинения, должно быть осуждено».¹²⁰ Обвинение в процессуальном смысле Ф.Н. Фаткулин определял как основанная на законе процессуальная деятельность компетентных органов и лиц по изобличению обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении и по обоснованию его уголовной ответственности с тем, чтобы добиться публичного его осуждения.¹²¹

На основе приведенных выше определений, а также анализа дефиниции обвинения, закрепленной в пункте 22 статьи 5, сложилась точка зрения, что в УПК РФ в легальном понятии обвинение присутствует как материально-правовой, так и процессуальный аспект, но за основу данного определения взято сформированное в доктрине именно материальное понимание обвинения. А понятие обвинение в процессуальном смысле в УПК РФ охватывается

---

¹²⁰ Фаткулин Ф.Н. Указ. раб. С.25.

¹²¹ Там же. С.23.

понятием уголовное преследование, легальное определение которому дано в пункте 55 статьи 5. В соответствии с данной нормой, уголовное преследование - процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Относительно соотношения понятий «обвинение» и «уголовное преследование» в литературе можно найти две противоположенных точки зрения. В соответствии с одной из них обвинение и уголовное преследование являются синонимичными понятиями, в соответствии с другой – данные понятия следует различать. Относительно разграничения данных понятий в доктрине отечественного уголовного процесса сложилось две точки зрения: первая – что обвинение и уголовное преследования различаются по времени их появления в процессе, вторая – что данные понятия различаются по объему. При этом представители последней точки зрения делятся на тех, кто утверждает, что понятие «уголовное преследование» шире понятия «обвинения», и тех, кто утверждает, что понятие «обвинение» шире понятия «уголовное преследование».

Малоизученным в отечественной науке остается вопрос о соотношении понятий «обвинение» и «подозрение». В отечественной науке сложилась точка зрения рассмотрения данных понятий как отдельных этапов уголовного судопроизводства. На наш взгляд, данная точка зрения является поверхностной. Содержательно «подозрение» и «обвинение» в материальном смысле мало чем отличаются друг от друга. Обе эти категории связаны с тезисом, различие лишь можно провести по степени вероятности обвинительного тезиса и тезиса подозрения.

Интересным для читателя в России представляется сложившееся в немецкой доктрине соотношение обвинения и подозрения. В Германии именно понятие подозрение является центральным понятием уголовного процесса. При этом особое развитие в доктрине получило деление подозрения на начальное, сильное и достаточное. Необходимо заметить, что если в России появление таких участников уголовного судопроизводства как подозреваемый и

обвиняемый связано с вынесением определенных в законе формальных актов, то в Германии в основе предъявления обвинения и появления в процессе фигуры обвиняемого лежит содержательный подход, а точнее проявлении органом дознания воли на ведение уголовного преследования в отношении конкретного лица. Кроме того, в Германии определенная степень подозрения является предпосылкой для применения к лицу определенных мер процессуального принуждения, аналогов чему нет в российском уголовном процессе.

Составной частью правовой системы России помимо источников внутреннего права являются нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. Понятие «уголовное обвинение» на данном уровне содержится в статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, регламентирующей право на справедливое судебное разбирательство. Европейский суд, толкуя положения Конвенции, исходит из автономного значения понятия «уголовное обвинение», отличающееся от того, как данный термин понимается во внутреннем законодательстве стран-участников. При этом Европейский суд разработал критерии, на основании которых положения статьи 6 распространяются на лиц, обвиняемых в совершении правонарушений, формально не являющимися преступлениями по внутреннему законодательству стран.

Кроме того, точка зрения Европейского суда относительно формального, а не содержательного смысла понятия «обвиняемый», позволило ряду авторов разделять обвиняемого на обвиняемого в широком смысле, включающим помимо обвиняемого также подозреваемого, и обвиняемого в узком технико-юридическом смысле, так как это понимается в статье 47 УПК РФ.

Список использованных источников

I. Нормативные источники:

1. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СПС Консультант Плюс.
2. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.
4. Grundgesetz der Bundesrepublik Deutschland, vom 23.05.1949 (zuletzt geändert vom 11.07.2012) [Электронный ресурс] // BGBl. I S. 1478 URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gg/gesamt.pdf> (дата обращения: 03.05.2013).
5. Strafprozessordnung der Bundesrepublik Deutschland, vom 01.02.1877 (zuletzt geändert v. 21.01.2013) [Электронный ресурс] // Neugefasst durch Bek. v. 7.4.1987 (BGBl. I S. 1074, 1319). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/stpo/gesamt.pdf> (дата обращения: 07.02.2012).

II. Специальные источники:

6. Beulke, Werner. Strafprozessrecht. 12. Auflage. C.F. Müller, Heidelberg. 2012.
7. Die Strafprozessordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz: Grosskommentar. 24. Auflage. Verlag Löwe-Rosenberg, Berlin. 1989.
8. Eisenberg, Ulrich. § 152 II StPO: Legalitätsprinzip im gerichtsfreiem Raum? // Neue Juristische Wochenschrift. 1998. № 31. S. 2241 - 2256.
9. Finke, Martin. Zum Begriff der Beschuldigung und den Verdachtstypen // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1983. № 95. С. 918-972.
10. Hannich, Rolf. Karlsruher Kommentar zur Strafprozessordnung: mit GVG, EGGVG und EMRK. 6. Auflage. C.H. Beck, München. 2008.
11. Hartmann, Schmidt. Strafprozessrecht. Grundzüge des Strafverfahrens. 3. Auflage. Verlag Rolf Schmidt, Hannover. 2010.

12. Jung, Heike. Zur Rechtsstellung des Beschuldigten im Ermittlungsverfahren – eine Positionsbestimmung // Juristische Schulung. 1998. № 38. С. 1136 – 1140.
13. Kleinknecht, Theodor. Kommentar zur StPO. 43. Auflage. C.H. Beck, München 1997.
14. Kramer, Bernhard. Grundbegriffe des Strafverfahrensrechts. 7. Auflage. W. Kohlhammer Druckerei GmbH, Stuttgart. 2009.
15. Kühne, Hans-Heiner. Strafprozessrecht. 8. Auflage. Verlag C. F. Müller Lehr- und Handbuch, Heidelberg. 2010.
16. Lohner, Erwin. Der Tatverdacht im Ermittlungsverfahren. Peter Lang Europäische Verlag der Wissenschaft, Frankfurt am Main. 1994.
17. Putzke, Holm. Strafprozessrecht. 4. Auflage. C.H. Beck, München. 2012.
18. Ranft, Otfried. Strafprozeßrecht. 3. Auflage. RICHARD BOORBERG VERLAG, Stuttgart. 2005.
19. Rieß, Peter. Zweifelfragen zum neuen Strafbefehlsverfahren // Juristische Rundschau. 1988. № 42. С. 133 – 146.
20. Systematischer Kommentar zur Strafprozessordnung. Band III. 4. Auflage. Carl Heymanns Verlag, Köln. 2011.
21. Volk, Klaus. Grundkurs StPO. 7. Auflage. C.H. Beck, München. 2010.
22. Walder, Hans. Grenzen der Ermittlungstätigkeit // Zeitschrift für gesamte Strafrechtswissenschaft. 1983. № 95. С. 862- 893.
23. Walder, Hans. Kriminalistisches Denken. 8. überarbeitete Auflage. Kriminalistik Verlag, Heidelberg. 2009.
24. Абесалашвили М.З. Подозреваемый как участник уголовного процесса [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.З. Абесалашвили. – Майкоп, 2005. – 183 с.
25. Александров А.С. О значении концепции объективной истины // Российская юстиция. 1999. - №1. С. 24-25.
26. Александров А.С. Субсидиарный уголовный иск // Государство и право. 2000. № 3. С. 75-83.

27. Андреев В.А. Обвинение в российском уголовном процессе: понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.А. Андреев. – Екатеринбург, 2009. – 208 с.
28. Асанов В. О содержании уголовного преследования // Уголовное право. – М., 2000, № 4. – С. 3-5.
29. Баксалова А.М. Уголовно-процессуальная функция обвинения, осуществляемая прокурором, и ее реализация на судебном следствии. [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.М. Баксалова. – Томск, 2002. – 209 с.
30. Барабаш А.С. Публичное начало Российского уголовного процесса / А.С. Барабаш; кол.авт. Ассоциация "Юридический центр". - Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2009 . - 418 с.
31. Барабаш А.С. Соотношение обвинения и уголовного преследования // Актуальные проблемы юридической науки: тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф./ Краснояр. гос. ун-т Юрид. ин-т; отв. ред. А.Н. Тарбогаев. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005. С. 756 -762.
32. Бекешко С.П., Матвиенко Е.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе / Е.П. Бекешко, Е.А. Матвиенко. - Минск: Изд-во Высшая школа, 1969. – 128 с.
33. Бобылев М.П. Обвинение как предмет уголовного правосудия в современной России [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.П. Бобылев. – Уфа, 2004. – 200 с.
34. Власенко Д.В. Основания признания лица подозреваемым в уголовном процессе России [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д.В. Власенко. – Ставрополь, 2008. – 173 с.
35. Давлетов А., Войт В. Институт подозрения нуждается в совершенствовании // Законность, 1996. №7. С. 23-26.
36. Даев В.Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе // Правоведение. 1970. N 1. С. 85-87.

37. Европейский суд по правам человека. Основные положения практики суда. Статья 6 (понятие «уголовное обвинение»). URL: http://pravosudia.net/files/espch_ponyatie_ugolovki.pdf (дата обращения: 01.05.2013).

38. Зинатулин З.З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам: учеб. пособие / З.З. Зинатулин - Ижевск : Б. и., 1989 . - 79 с.

39. Ивлев Г.П. Основания и цели применения мер процессуального принуждения // Государство и право. 1995. № 11.

40. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учеб. М.: изд-во НОРМА, 2011. – 496 с.

41. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Агутин, А.С. Александров, Л.Б. Алексеева и др.; под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина, М.П. Полякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. 1124 с.

42. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Д. Агамов, Р.Х. Батхиев, Т.А. Боголюбова и др.; под ред. А.Я. Сухарева. 2-е изд., перераб. М.: НОРМА, 2004. 1104 с.

43. Кругликов А.П. К вопросам о сущности и соотношении понятий "обвинение" и "уголовное преследование" // Российская юстиция. 2005. N 12. С. 46 – 47.

44. Кудин Ф.М., Зубенко Е.И. Понятие обвинения в науке и законодательстве российского уголовного процесса // Общество и право. 2010. № 2. С. 159-168.

45. Лукожев Х.М. Проблема поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции. [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Х.М. Лукожев. – Краснодар, 2006. – 186 с.

46. Маслова Д.А. Возбуждение и поддержание государственного обвинения в российском уголовном процессе [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д.А. Маслова. – Воронеж, 2008. – 232 с.

47. Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Право на справедливое судебное разбирательство. Прецеденты и комментарии: М.: Российская академия правосудия, 2001. URL: echr.ru/documents/manuals/Article06/Article6.rtf (дата обращения: 10.05.2013). – 145 с.

48. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В.К. Бобров, В.П. Божьев, С.В. Бородин и др.; под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2007. 1158 с.

49. Новикова А.А. Соотношение обвинения и защиты в судебном разбирательстве (проблемы теории и практики на современном этапе). [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Новикова. – Москва, 2002. – 201 с.

50. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. М.: Русский язык.

51. Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

52. Пантелеев И.А. Проблема совершенствования института подозрения в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. - 22 с.

53. Петрухин И.Л. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 24-25.

54. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) // СПС Консультант Плюс.

55. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник/ А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ.ред. проф. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. И доп. – М.: КНОРУС, 2008. – 704 с.

56. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ.ред. А.В. Смирнова // СПС Консультант Плюс.

57. Строгович М.С. Курс Советского уголовного процесса. М: Изд-во «Наука», 1968. Т. 1-2.
58. Турилов Г.Г. Прокурор как субъект доказывания в российском уголовном процессе. [электронный ресурс]: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.09 / Г.Г. Турилов. – Краснодар, 2002. – 204 с.
59. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2009. — 1072 с.
60. Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм./ Вернер Больке; Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; Под ред. Л.В. Майоровой. – Красноярск: РУМЦЮО, 2004. С. - 351 с.
61. Улищенко М.Б. Функция обвинения в суде. [электронный ресурс]: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.09 / М.Б. Улищенко. – Москва, 1997. – 173 с.
62. Фаткулин Ф.Н. Обвинение и защита по уголовным делам: учеб.пособие / Ф.Н. Фаткулин, З.З. Зинатуллин, Я.С. Аврах. – Казань: Издательство Казанского университета, 1976. – 166 с.
63. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. - Печатается по третьему изданию, Спб.,1910. - Санкт-Петербург: Альфа, 1996 .Т. 1-2.
64. Харчикова В.Ш. Формирование обвинения в уголовном процессе России. [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.Ш. Харчикова. – Кемерово, 2004. – 207 с.
65. Церковный Ю.В. Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.В. Церковный. – Москва, 2011. – 206 с.
66. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд; кол. авт. Ленинградский университет им. А.А. Жданова. - Издательство Ленинградского университета, 1963 . - 172 с.

67. Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции [электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф.М. Ягофаров. – Оренбург, 2003. – 149 с.

III. Практика конституционных судов:

68. BVerfG: Zur Behandlung des Ermittlungsverfahrens durch die StA. Beschluß vom 23.07.1982 - 2 BvR 8/82 // Neue Zeitschrift für Strafrecht. 1982. № 10. S. 415 – 417.

69. BVerfG. Entscheidung vom 27.11.1990 - 1 BvR 402/87 // Neue Zeitschrift für Strafrecht. 1991. № 4. S. 200 – 202.

70. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 N 7-П "По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород" // СПС Консультант Плюс.

71. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N 11-П "По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова" // СПС Консультант Плюс.

72. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 N 18-П "По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан" // СПС Консультант Плюс.

73. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы" // СПС Консультант Плюс.

IV. Судебная практика:

74. BGH. Entscheidung vom 23.07.1986 - 3 StR 164/86 // Neue Juristische Wochenschrift. 1987. № 32. S. 1931.

75. BGH. Urteil vom 18.10.1956 - 4 STR 278/56 // Neue Juristische Wochenschrift. 1957. № 6. S. 217 – 218.

76. BGH. Urteil vom 3. 7. 2007 - 1 StR 3/07 (LG Waldshut-Tiengen) // Neue Juristische Wochenschrift. 2007. № 37. S. 2706.

77. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Бенденун (Bendenoun) против Франции [Электронный ресурс]: постановление от 22.02.1994 // <http://hudoc.echr.coe.int/webservices/content/pdf/001-100604> (дата обращения 05.05.2013).

78. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Девеер (Deweer) против Бельгии [Электронный ресурс]: постановление от 27.02.1980 // СПС Консультант Плюс.

79. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Лутц (Lutz) против Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]: постановление от 25.08.1987 // СПС Консультант Плюс.

80. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Лутц (Lutz) против Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]: постановление от 25.08.1987 // СПС Консультант Плюс.

81. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Минелли (Minelli) против Швейцарии [Электронный ресурс]: постановление от 25.03.1983 // http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Minelli_v_Switzerland_25_03_1983pdf (дата обращения 05.05.2013).

82. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Эзе и Коннорс (Ezeh and Connors) против Соединенного Королевства [Электронный ресурс]: постановление от 09.10.2003 // СПС Консультант Плюс.

83. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс]: постановление от 15.07.1982 // СПС Консультант Плюс.

84. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Энгель (Engel) и другие против Нидерландов [Электронный ресурс]: постановление от 08.06.1976 // <http://www.echr.ru/documents/doc/2461444/2461444.htm> (дата обращения 05.05.2013).

85. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Юссила (Jussila) против Финляндии [Электронный ресурс]: постановление от 23.11.2006 // http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Jussila_v_Finland_23_11_2006.pdf (дата обращения 05.05.2013).